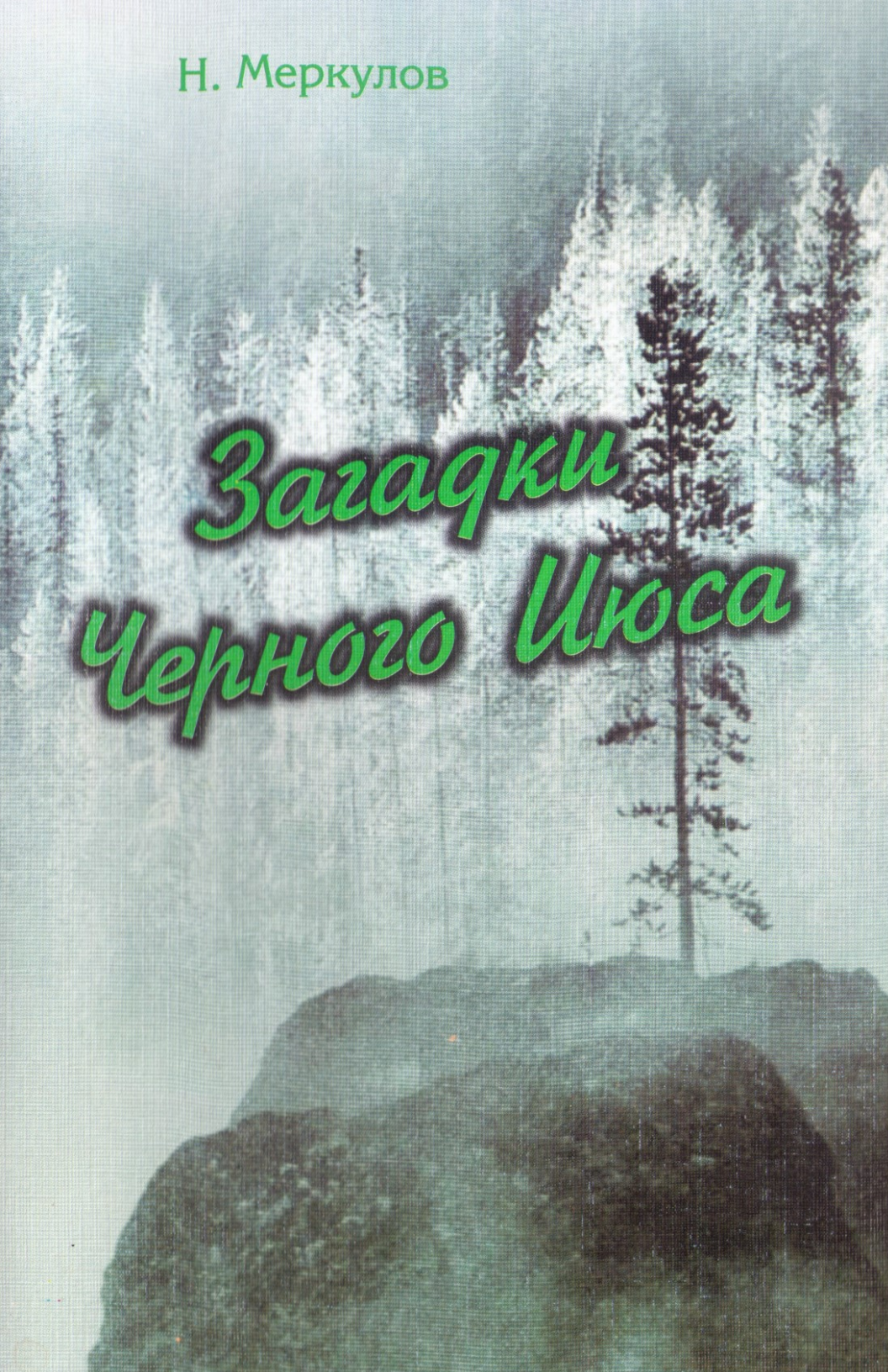
Н. Меркулов



Загадки Черного Июса

МЕРКУЛОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

ЗАГАДКИ ЧЕРНОГО ИЮСА

Формат 84x108 1/32 Гарнитура Arial Cyr
Отпечатано на ризографе.
Тираж 500 экз. Заказ № 885.

Отпечатано КГУ "Редакция газеты "Сибирский хлебороб"
полиграфический участок

662255, г. Ужур, ул. Ленина, 8.
E-mail: sibhleb@mail.ru
тел. главного редактора 8 (39156) 21-6-14

Николай Меркулов

Загадки Черного Июса

"Творчество Причулымья"
г. Ужур
2007

Автор книги выражает сердечную благодарность руководителю объединения "Терминал" Меркулову Дмитрию Николаевичу за спонсорскую помощь в выпуске книги "Загадки Черного Июса".

Меркулов Н.И.
"Загадки Черного Июса" - Ужур,
"Творчество Причулымья", 2007 г., 116 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Вольная птица.....5
Ксений.....10
Прорвало.....22
Оборотная сторона.....26
Незаживающая рана.....28
Пироги.....30
Туфелька..... 34
Загадки Черного Июса.....39
Формидрон.....51
Жеребёнок.....56
Мозаичники..... 62
Баня с перцем 67
Шурочка 71
Медвежатник 77
Зов души 85
Хромочи в Рождество 101
Порыбачил 113

Я совсем, совсем не гений,
Но сто своих произведений
Всё же в жизни напишу
И для многих поколений
Их в свои книги уложу.

Так я мечтал в 1989 году.

На первое января 2013 года я написал уже более 700 произведений различного жанра, готовых к печати.

Возможно, мои произведения далеки от настоящих поэтических и прозаических жанров. Я хорошо понимаю, сколько же нужно целеустремлённости, настойчивости, выдержанности, терпения и терпимости, а, самое главное, на мой взгляд, владения темой любого произведения без фальши и лжи.

Каждую минуты ты должен помнить, что тебе никто не простит лицемерия, подхалимажа и цинизма.

Только произведения, выстраданные, опалённые огнём пожарищ и костров, неоднократно погибавшие в полноводных реках и горных водопадах, замерзавшие в ледниках и снежных бурях, под грозовыми проливными дождями способны вызвать у читателя любовь и уважение к себе, способны приобрести вечность.

Понимая это, я вновь и вновь перечитываю написанное сначала и возвращаюсь к тем событиям, которые заставили меня взять в руки перо.

За плечами шестьдесят пять лет прожитой жизни. Что же я сделал в ней такого, чтобы можно было не жалеть о прошедшем времени?

На полках пылились наброски стихов, хранившие в себе все мои секреты жизненных удач и поражений. В них я одновременно и сожалею и люблю свою судьбу за то, что она преподнесла мне множество, как

положительных, так и отрицательных сюрпризов в работе и в развитии творчества.

Но я ещё долго хранил секреты своих слабостей от родных и близких мне людей. Ибо, прикоснувшись к завесе таинства искусства поэзии, прозы, я считал, что вторгаюсь во что-то сокровенное и неимоверно важное, куда для меня дороги нет.

Отвергнутый и не принятый в руководящих кругах за свою прямоту, я часто срывался вниз на полпути к вершинам всеобщей признательности. В свои тридцать лет я не понимал, почему это так со мной происходит. Причин было только две.

Первая; руководителям партии и правительства видимо нравилось, когда их просто-напросто обманывали низшие чины, лишь бы в докладах всё было складно и убедительно. Это была самая весомая причина, по которой светлое будущее, под названием коммунизм, не успев улыбнуться рассвету, так и не расцвело.

Я же не понимал, зачем и для чего мы это делаем, потому что искренне верил в справедливость, стараясь выразиться в своих строках.

Вторая причина до банальности проста; в каком бы районе я не работал и не жил, я был там чужаком.

Вот так и случилось, что со своей правдой я носился вместе с семьёй по районам родного края до тех пор, пока не оказался за бортом большого корабля.

Годы перестройки закружили меня в таком вихре водоворотов, что порой не хватало воздуха. Я задыхался от ужасов того, что не вмещалось в сознании ни в одной клетке моего взвинченного, духовно опустошённого и накалённого до предела организма.

Порой мне казалось, что наступил конец света. Я

видел, как в этой суматохе люди постепенно переставали верить и доверять друг другу.
Но, как же без веры жить то? Разве возможно жить, не веря в человеческую душу? И вот на этом этапе своей жизни я, обратившись к духовному состоянию своего тела и души, понял, что они во мне не живут вместе.
Мне стало ясно, что они не живут во мне, как органичное единое целое. Перо и лист бумаги стали моими лучшими друзьями.
Трудно поверить, но только в последние двадцать лет до моего сознания стало доходить, что именно вера в Бога, о чём я старался усиленно не думать, вывела меня на путь, по которому я шагаю сейчас.
Что такое для меня Бог? Это моя духовность, которая воспитывает во мне моё человеческое сознание.
На душе тепло, легко и спокойно. В образовавшемся душевном просвете я увидел себя и понял, что нахожусь на правильном пути. И это открытие сегодня стало фундаментальной основой дальнейшей моей жизни.
Все мои рассказы написаны из собственных жизненных наблюдений, в событиях которых я принимал непосредственное участие, как очевидец.

С уважением: автор.

ВОЛЬНАЯ ПТИЦА

-1-

Потеря работы его абсолютно не удручала и даже не

расстраивала, он как-то вздохнул с облегчением, будто избавился от чего-то постоянно угнетающего его. Для себя Володька отметил, что не нашел в совхозе великой радости труда во благо будущего коммунизма, которого так и не увидел ни за горизонтом, ни в постоянных выходах на работу, поднимаясь в четыре часа утра. Он так и не понял, кому нужен такой ранний подъем и выход на ферму, где сам проработал всего лишь три месяца после окончания сельскохозяйственного техникума.

К его первой чистосердечной радости, как бы в довесок, прибавилась еще одна, согревшая душу окончательно и очень неожиданно. Его выгнала из дома молодая жена.

Немного со смущением, Володька отметил, что жена у него была уже второй в его цветущие двадцать четыре года. Но он тут же выбросил из головы неприятную для себя мысль.

- Да Бог с ними с этими женами! Подумаешь, одной больше, одной меньше, что от этого меняется? Все они одинаковые! Вот подавай им всем не «пьющего», да чтоб хорошего, работящего! Главное – чтоб деньги домой все приносил. Да чтоб все до копеечки. И что интересно - вовремя! Да где же я им такого мужика - то возьму? Нашли больного! Вот "шиш" им всем, а не деньги! Это надо же додуматься - кошелек нашли! Буду я на них батрачить!

Эээх, забодай меня комар! Со своей зарплатой я как-нибудь сам разберусь,- совершенно позабыв, что в кармане у него всего-то два рубля с мелочью от полного расчета. Ну, уж нет! С сегодняшнего дня я вольная «птица», куда хочу, туда и полечу! –

Рассуждал Володька, шагая по пыльной дороге на край деревни к автобусной остановке.

С трудом нажитые с ненаглядной подругой за год личные вещи, свободно уместились в небольшом изрядно потрёпанном рюкзаке. С этим рюкзаком Володька никогда и ни где не расставался, перекочёвывая от одной незамужней женщины к другой. С девушками знакомиться он побаивался по причине сильного контроля со стороны родителей, отведав однажды внушительной «ласки» одного сердобольного отца.

Сидя в автобусе, он по привычке ощупал рукой содержимое внутреннего кармана своего изрядно поношенного «пиджака». Проверил при этом наличие документов. А заодно и билет, купленный на выделенную сердобольной спутницей его «суровой» жизни десятку.

- Вот тут тебе весь твой расчет, баламут несчастный! Столько стыда от людей на мою голову свалилось за тебя! Катись-ка ты ко всем чертям! И чем быстрее, тем для тебя же лучше, понял!?- вспоминал, немного с грустью, Володька прощальное напутствие своей очередной супруги жизни.

Катиться к чертям как раз у Володьки особого желания-то и не было. А вот «птицей» всякими правдами и не правдами до своего «кореша», живущего в соседнем районе и работающего зоотехником на центральной усадьбе одного из крупнейших совхозов края, он быстро «долетел». По такому случаю «корефан» даже отгулы себе выпросил на три дня, в течение которых они очень бурно и весело праздновали свою дорогую и «тёплую» дружескую встречу.

Выслушав Володьку о том, как его сильно обидели и оскорбили, даже унизили, на бывшем производстве, где он работал не щадя ни своих сил, ни своего

здоровья, а самое главное – времени, друг пообещал, смахивая рукой набежавшую слезу под выпитую очередную стопку водки, разбиться «в доску», но на работу обязательно друга устроить.

Сильно захмелевшие, крепко обнявшись, друзья проболтали до первых петухов. За это время они хорошо «промололи» косточки обеим Володькиным жёнам. Больше всех досталось, конечно же последней жене, которая «ободрала» его до «нитки».

-2-

В пьяном угаре, давая волю фантазии, Володька перечислял другу всё, что он нажил «своим горбом», а теперь все это досталось неблагодарной «кобре». Войдя в роль пострадавшего, он перечислил почти всех домашних животных, которых знал, и которых он сам лично развел в своем домашнем хозяйстве, и что жена при этом палец о палец не стукнула.

- Ну, разве мне не обидно!? Ведь все оставил ей, а она даже на дорогу мне ни копеечки не дала! Вот что с такими бабами делать надо? Скажи мне ты хоть? Как друг, скажи! И у меня ведь душа в теле тоже есть! Она у меня во как болит и даже, если сказать правду, горит! Ох, как сильно горит! Да убивать их за это надо, убивать! Правильно я тебе говорю!? – Не на шутку разошёлся Володька.

Другу с трудом удалось успокоить обиженного судьбой бывшего однокурсника:

- Не горюй, Володя, мы тебя завтра же устроим на такую работу! На такую работу, что все тебе всю жизнь будут завидовать! Мое слово «кремень», ты меня знаешь! И…бабу тебе хо … ооооро … шую найдем, работящую! Понял?! У меня тут на примете есть одна молоденькая, огонь баба! Хочешь, сейчас познакомлю? Не пожалеешь!

- Не …еее … ет, шибко «бойкую» мне не надо! Боюсь! С такой сам сгорю! Ты мне лучше со спокойным, мягким характером найди! И…чтоб без детей была! С этими детьми только одна морока! Лучше подальше от них, от этих чужих детей! А то кто-то их понаделает, а я – воспитывай потом! Все равно никакой благодарности от них не видишь! – категорически замахал руками перед носом у друга Володька, вспомнив, как однажды утром к нему, лежащему у вдовушки на диване с больной головой после очередной попойки, подошёл пятилетний мальчуган и со словами: - Не тронь мою мамку, а то я тебя зарежу! – показал Володьке из-за своей маленькой детской спинки кухонный нож.

В тот момент у Володьки даже головная боль быстро прошла. Он в растерянности вытирал грязным рукавом заношенной рубахи выступившую на лбу испарину.

Утром, совершенно не выспавшись, тряся русой маленькой бородкой, которую он начал отпускать для «солидности», не позавтракав, Сашка проковылял мимо крепко спавшего на диване Володьки в контору на разнарядку.

Домой вернулся он часа через полтора и, как бы извиняясь, пояснил другу, что «серьёзных» вакантных мест в совхозе пока нет, что на сегодня нужны только чабаны.

- Ну, что ж, чабанить, так, чабанить. И эта - не плохая работа.- С поникшей головой, не глядя на друга, тоскливо согласился Володька.

- Хорошо! Если ты согласен, то сегодня ещё отдохни, а завтра, прямо с утра оформляем тебя на работу,- смущённо закончил Сашка и налил в стаканы из бутылки принесённый самогон. Молча выпил, закусил

малосольным огурцом и подбодрил друга. Оставил ему полбутылки слегка мутноватого горячительного напитка, быстро ушёл на работу.

На следующее утро оба с «помятыми» опухшими лицами, трясясь не то от утренней прохлады, не то от многодневного запоя, сдав все необходимые Володькины документы в отдел кадров, они нашли в конторе отделения старшего чабана. Познакомив с ним Володьку, Сашка попросил чабана отвезти их к отаре, которая находилась на самом дальнем ручье.

По дороге Володька с нескрываемым интересом расспрашивал своего напарника о количестве овец в отаре, далеко ли до стойбища, чем кормят овец, какова норма подкормки, и спросил о расстоянии от кошары до центральной усадьбы.

Сашка, довольный разговором о не сладкой, но все же привольной жизни чабанов, улыбался старшему чабану:

- Во, видал, какой любопытный! Всё его интересует! Сразу видно, что наш человек, из крестьян! С таким не пропадёшь! Привес сразу в «гору» пойдёт!

-3-

Получив необходимое снаряжение и приняв подотчётное имущество, а в придачу почти тысячную отару овец, Володька остался на кошаре с двумя ещё не знакомыми ему собаками, живущими здесь постоянно.

Старший чабан, чабан – сменщик и друг - зоотехник после обеда уехали домой, оставив Володьке на неделю, ведро уже мягкого картофеля, немного разной крупы, «макаронов», бутылку постного масла, полкило сахара и пять буханок хлеба.

Ухмыльнувшись такому «богатству» недельного запаса, Володька вновь пошёл осматривать склад, в

котором хранился фураж для овец. Ларь, наполненный почти до краёв комбикормом, приятно «согревал» и радовал душу молодого чабана. Глаза его озорно и счастливо блестели:

- С этим не пропадём! С голоду не помрём! На недельку-то уж точно хватит! – Весело насвистывая, Володька вновь вернулся в чабанскую избушку. «Бухнулся» на видавшие виды матрац на нарах, застеленный байковым заношенным одеялом. Его мозг начал лихорадочно работать. Лёжа на нарах, он начал обдумывать план дальнейшей своей жизни на новом месте работы. Вспомнил, что одна из дорог хотя и в рытвинах да ухабах с промоинами, но кратчайшим путём ведет прямёхонько к центральной усадьбе.

Потянувшись на нарах, он вышел на так называемое крыльцо, сколоченное из двух коротких досок и брошенных у порога перед входом прямо на землю.

Осмотрелся вокруг и видя, что овцы спокойно пасутся у подножия пригорка, запряг коня в телегу. Озираясь по сторонам, запрыгнул на мешки с комбикормом, предварительно прикрыв их чабанским плащом. Ударил по крутым бокам нерасторопного мерина вожжами и покатил по давно неезженой дороге осваивать дальше свою новую жизнь.

«Такса», как он уже знал из многолетнего опыта жизни, была одна и та же – за мешок комбикорма – бутылка водки или литр самогона. Лихорадочно работая, Володькина память взвешивала, что же выгоднее взять?

-Самогон или водку? Водку или самогон? – терзалась и тряслась по ухабистой дороге его неугомонная душа.

В конце концов, количество бутылок, хотя и с

отвратительным запахом, но взяло верх. Оставалось только одно:- Где найти эти бутылки?!-

По своему житейскому опыту он предполагал, что самогонщики в основном живут по окраинам села, и там, где возле домов накоплено много навоза или соломы.

Через каких-нибудь полтора часа он уже ехал по окраине посёлка, озираясь по сторонам. Под его «мягким» местом, укрытое чабанским плащом, мирно покоилось то, что уже через определённое время должно было превратиться как у хорошего фокусника в целительно – булькающую веселящую душу и его буйную кровь, с запахом дурманящих трав, влагу. От этого целительного напитка немного позже будет «выворачивать на изнанку» не только желудок, но и душу.

Название этой магической влаги – самогон с «прибамбахами», выгнанный у каждой хозяйки по своему особому секретному рецепту. Мужикам производство такого напитка женщины не доверяли потому, что именно женской «лёгкой» рукой закладывалась вся сила и мощь в магическую закваску браги на самогон.

Интуиция и на этот раз не подвела Володьку. Он подъехал прямо, как он любил говорить, в «яблочко». На стук в калитку вышла пожилая женщина и, посмотрев вдоль улицы, молча осмотрела содержимое телеги. Снова, косо глянув вдоль улицы, спросила:

- Сколько хочешь?

- Если все возьмёте, то, пожалуй, трёх литров «первачка» хватит!- Вкрадчиво и покровительственно быстро пролопотал Володька.

-4 -

- Два литра дам и ни грамма больше!

- Эээх, чёрт с ним! Давай! Но чтоб «первачок» был!
- Самый что ни на есть «первачок» и будет! Не обижу, заезжай!- и она привычным хозяйским жестом открыла ворота ограды, пропуская вперёд коня с телегой.

Быстро выгрузив мешки, Володька завернул в плащ драгоценные бутылки с увесистым «шматом» солёного сала и доброй краюхой, испечённого в «русской» печи, хлеба.

Это сердобольная хозяйка, по «случаю знакомства», выдала «на дорожку».

Держа коня «под уздцы», Володька задним ходом вытолкал конем телегу на улицу и быстро поехал к чабанскому домику.

Выехав за деревню, он начал «опохмеляться», а, заодно, отмечать свой первый выход на работу.

Таким образом, выпив полбутылки самогона, закусывая салом, Володька начал развивать свою мозговую деятельность:

- Какого чёрта я снова еду в эту глухомань? Овец пасти?! Да пусть их леший лысый пасёт в этих нечеловеческих условиях! Я что им, ишак что ли?- И он погрозил над головой кому-то в воздухе уже теряющей твердость ориентира рукой.
- А ну-ка, сивка – бурка, вечный каурка! Дуй-ка к себе домой, на конюшню! И я то же двинусь на все четыре стороны! Хотя нет, «попылю - ка» я к своему брату. Он живёт где-то здесь, в соседней республике.

Володька остановил коня. Засунул в пустой мешок из-под комбикорма бутылки с драгоценной влагой, сало с хлебом. Привязал к передку телеги покрепче вожжи, чтобы не развязались и не запутались в дороге. Осторожно, на сколько мог это сделать изрядно выпивший человек, перекинул мешок с драгоценными

«харчами» себе через плечо. Чему-то улыбаясь, ласково хлопнул ладонью руки коня по спине и, качаясь быстро зашагал к центральному дорожному тракту, в скорейшей надежде увидеть родного брата, которого он не видел уже десять лет.

На попутном транспорте, обманывая шоферов, кого как мог, Володька «пересёк» границу Хакассии, где за четыре сотни километров от родных мест, жил и работал его родной брат, по которому так часто и сильно скучала его на удивление ранимая, сердобольная и гостеприимная душа.

Больше в этом районе в течение всей своей жизни Володька ни разу не появлялся. Впоследствии он всё время поражался тому, что его не привлекли к ответственности за брошенную отару овец, которую собирали всем совхозом целую неделю по всем полуразвалившимся соседним деревням.

А что до трудовой книжки, то их у него было столько, сколько в его цветущие годы молодых секретарш в бурлящей, по его понятиям, очень красивой и насыщенной жизни.

2006 г.

КСЕНИЙ.

повесть

-1-

Очнувшись после долгой и изнурительной болезни, он ещё некоторое время лежал в своем незатейливом жилище, а, скорее всего – логове. Он чувствовал боль в висках и легкое головокружение. В теле была такая слабость, что каким то внутренним подсознанием он понимал, что подняться на ноги будет не так то просто.

Уставившись глазами в низкий, сделанный из обломков поваленных ураганами деревьев потолок, он

впервые тщательно рассматривал каждый ствол, уложенный им своими руками не то тридцать, не то сорок лет назад, этого он точно не помнил, да и в этом не было никакой необходимости.

От нахлынувших воспоминаний на его грустных карих глазах выступили слезы и заполнили глубокие глазницы. Сквозь янтарно – прозрачную жидкость он продолжал рассматривать грубый, но надежно сделанный потолок ещё почти детскими его руками, и с грустью вспоминать давно прошедшее, но очень беспокойное и тяжёлое для него время.

-2-

Вся деревня полыхала одним огромным и очень страшным костром. Вокруг падали и стонали раненые люди. Стоял ужасно дикий рёв, и трудно было разобрать, чьи голоса были страшнее, голоса людей или голоса животных, хаотично снующих по улицам и переулкам, совершенно не разбираясь и не понимая, что же происходит в деревне.

Вокруг пахло гарью и кровью, смешанных с запахом паленого мяса, с одурманивающим привкусом от обгорелых человеческих трупов и трупов животных.

Среди всего этого страшного ада он вдруг отчетливо услышал отчаянный крик своей матери:

- Ксеееее…..ний! Ксеееееее…ний! Беги в лес! В лес беги! Ксееений!

Этот крик, крик, наверное, умирающей матери, он так и смог забыть за всю прожитую в мучительном одиночестве очень долгую, бесконечно долгую жизнь.

В клубке горящего ада родной деревни он на какое-то короткое время заблудился и совершенно перестал ориентироваться.

Сколько ему было тогда лет? На этот вопрос сегодня он уже не ответит никому. Для него время как бы

больше уже не измерялось. Оно остановилось для него в тот страшный миг того дикого дня, когда на деревню напали варвары с оружием в руках.

Назвать этих людей людьми он не мог, но и зверьми их назвать тоже не мог, потому, что звери так не поступают, и в этом он убедился сам, живя среди них как равный, делясь с ними своей пищей. Но и более подходящего выражения для этих людей он так и не смог подобрать.

-3-

Наконец, пройдя сквозь запах дыма, гари и треск огня, он увидел кромку леса и со страхом и с ужасом на лице бросился туда, перескакивая, часто спотыкаясь, через обгоревшие трупы, а иногда и корчившихся в предсмертных судорогах в грязных лужах крови односельчан, обегая стороной горящие дворы и изгороди.

Иногда со свистом его кто-то или что-то обгонял или обгоняло, и в его голове промелькнула поразительно странная мысль:

- Откуда здесь пчелы?!

Одна из них больно укусила его за ухо, а другая в плечо, да так больно, что дико крича и размахивая над головой руками он, задыхаясь от недостатка чистого воздуха в легких, дрожа всем телом, не чувствуя под собой ног, забежал в лес.

Пробежав какое-то мгновение по лесу, его ноги непроизвольно подкосились, голова сильно закружилась и он, теряя сознание, упал в начинающую желтеть траву.

Чтобы отвлечься от нахлынувших воспоминаний, он, тяжело вздохнув, повернулся на бок и, будто не узнавая, или впервые увидев свое жилище, медленно

перевел свой взор с потолка на противоположную, из таких же бревен, стену.

Слеза, как бы очень нехотя, очень медленно, выкатилась из глазницы и покатилась по его заросшему, не знающему прикосновения бритвы, лицу на закрывающую грудь ни разу не чесаную пышную бороду и затерялась в ней, словно песчинка в огромной пустыне.

Он не замечал собственных слез. Воспоминания о прошлом тяжёлым грузом снова сдавили грудь и не давали ему дышать в полную силу, выращенным природой легким.

Но с ещё большей силой нахлынувший голод вытеснил все воспоминания кроме одной мысли, благодаря которой он собственно и выжил, твердо усвоив за все эти годы, что без еды он погибнет.

Подступающая тошнота к горлу, и усиливающаяся боль в желудке заставляли постоянно заниматься поисками пищи.

Внимательно оглядев жилище и не находя глазами ничего съестного, он нечленораздельно и протяжно взвыл, выражая тем самым не то возмущение, не то недоумение, не то ещё что-то, только одному ему понятное.

Глаза и лицо, если его ещё можно было назвать лицом, вдруг приобрели особую решимость. Всё его тело, разукрашенное множеством шрамов и рубцов, внезапно налилось непонятно откуда взявшейся энергией.

Он глубоко вздохнул и с шумом выдохнул давно не проветривавшийся в его жилище спертый воздух. При этом его ноздри судорожно вздрагивали, как бы предостерегая об опасности. Да, в гневе он был очень страшен, хотя такие моменты в его жизни были

большой редкостью.
Как долго он был болен и сколько дней не принимал пищу, он не знал. Количество дней для него совершенно не имело никакого значения.
Ёжась от холода, он сел на плоской возвышенности из более тонких бревен, которую соорудил сам же, чем-то напоминающую нары, подвинул рукой к стене сухую траву вперемешку с сухими листьями и мелкими ветками, служившими ему одновременно и подстилкой, и одеялом. Затем он встал на ноги и, покачиваясь, направился к выходу.
Рукой подвинул в сторону выхода, висевшую медвежью шкуру, служившую ему дверью.
Яркий зимний солнечный свет буквально ослепил его. От выпавшего свежего снега вокруг было все бело.
Весь гардероб этого человека состоял из шкур диких животных. Поправив на себе свой не хитрый гардероб, он медленно побрел в глубь леса за дровами.
Насобирал приличную кучу сухого валежника. Легко взвалил ее себе не плечо и вновь вернулся в своё жилище, наполовину врытое в землю.
Высек искры из желтых камней прямо на сухой только одному ему известный мох, развел костер посреди землянки на земляном полу между камней, открыл закрытое шкурой и служившее дымоходом в потолке отверстие, подсел поближе к огню и начал греться. Но голод все же брал своё и гнал его к выходу, в лес.
В поисках пищи он провел достаточно много времени. Наконец ему удалось поймать двух зарывшихся в снег куропаток. Вернувшись в жилище, он быстро обработал их, поджарил на костре и с величайшим удовольствием утолил голод.

Через некоторое мгновение буквально рядом раздался протяжный вой, уходящий далеко вглубь таёжных массивов и горных перевалов, вызывающий жуткое ощущение в груди всякого нормального человека, по телу которого, услышав подобную мелодию, забегали бы холодные противные мурашки, а в горле бы перехватило мертвым узлом.

Услышав вой, Ксений радостно улыбнулся и поспешил к выходу.

К его ногам, радостно взвизгивая, с пригорка скатился большой серый комок и, выпрямившись, начал быстро и ласково облизывать заросшее лицо друга, по которому неудержимо катились слезы умиления, но человек совершенно не обращал на них никакого внимания.

Это был огромный, уже немолодой волк – вожак стаи, терпеливо дожидающейся его на пригорке.

- Что, соскучился?! Ах ты, разбойник! А как я рад тебя видеть! Давненько, ох, давненько мы с тобой не встречались! Я уже думал, что ты забыл про меня, а ты, оказывается, ещё и друзей с собой прихватил! Ну, что ластишься? Зови их сюда!

Волк словно этого сигнала и ждал, повернув голову к снежному бугру, коротко и радостно несколько раз взвизгнул. Стая быстро скатилась с бугра вниз и окружила человека с вожаком большим, но поразительно ровным кольцом.

- Ого! Да в твоей стае появились две новые подружки!? Какие же они красивые! Молодец, Серый, молодец! Ну, что ж, знакомь нас, - показывая рукой в сторону волчиц, устремив на них свой ласковый и оценивающий взгляд, теребя за шею серого друга,- попросил Ксений.

Волк, как бы понимая, о чем просит его человек, виляя

хвостом, подошел к одной из волчиц. Следом за ним к ней подошел и Ксений. Он медленно присел на корточки и уставил взгляд своих карих глаз в зеленые глаза волчицы. Волчица также молча и, казалось, очень внимательно изучала лицо незнакомца.

Ксений медленно положил руку на голову волчицы. Гостья не сделала ни одного движения, лишь вздрогнула и слегка оскалила зубы.

- Хорошая волчица в стае! Она не подведет,- подумал он про себя и потрепал волчицу за шею. Как бы в знак признательности она доверчиво уткнулась носом в его колени.

Через некоторое время Ксений познакомился и со второй волчицей. Обойдя весь круг, шагая все время внутри его, он уделил немного внимания каждому волку, одних поглаживая по серой и уже зимней шерсти на спине, других ласково трогая за уши, третьих обнимал за шеи. На данный момент это были его самые верные и самые испытанные им в, иногда, самых тяжелых схватках за жизнь. Он доверял каждому из них настолько, насколько доверял себе.

Однако про себя Ксений отметил, что в стае двух волков не было совсем. Опустив голову, он с грустью вспомнил, как и при каких обстоятельствах у него с ними происходили знакомства.

Он вспомнил, как одного из недостающих волков вынул совсем маленьким щенком из капкана и выходил, хотя, будучи уже взрослым, волк слегка прихрамывал на переднюю лапу. Другого волчонка он нашёл в волчьей норе, чудом уцелевшего и совершенно беспомощного. Выходил и этого.

И вот теперь их нет рядом. Ксений медленно поднял вверх голову и окинул взглядом горы, откуда он когда-то пришёл в эти дремучие места. Различные

чувства разрывали его душу, жгли сердце, будоражили мозг.

-4-

Наверное, ему нужно было что-то сделать, потеряв свою мать, свою деревню, сельчан, общения с которыми он так рано лишился непонятно почему и непонятно за что, и которых ему не хватало каждый день.

Но он не знал, кому и как мстить, потому что этих чувства в его душе не было заложено ни с материнским молоком, ни самой природой, благодаря которой он приобрел, как он сам считал, вторую жизнь. Серые друзья, как бы понимая его состояние, застыли вокруг него в молчаливом ожидании.

Ксений медленно опустился на колени в снег в центре серого круга, поднял над собой руки со сжатыми кулаками и тихо постепенно издал протяжный, уходящий за лесные горные массивы, постепенно усиливающийся вой. Над дремучей тайгой эхом пронеслось:

- Уууууууу…ыыыыы!- И утонуло где-то далеко в горах.

Серое кольцо тут же подхватило его вой и тяжёлый, жуткий звук стал медленно подниматься все выше и выше, а затем стремительно уходить в горы, заросшие вековой тайгой.

И, подхваченные эхом, эти звуки, звуки чарующе – таинственной, будто заколдованной тайги, уносило в бесконечную даль горных массивов. Так продолжалось несколько минут, его голые колени совершенно не чувствовали холода.

Волки окружили Ксения ещё более плотным кольцом и, задрав головы вверх, хаотично взвывали на разные голоса, наблюдая за человеком в центре круга. Шерсть

на их спинах стояла дыбом, и трудно было понять, что было этому причиной, не то внезапно рванувший ветер, не то что-то ещё, выращенное в них самой природой.

Так, с небольшими перерывами, они, возможно, оплакивали своих сородичей.

В этот момент казалось, что человек и звери хорошо понимали друг – друга, что будто бы даже их мысли сходятся где-то там, в далеком пространстве, и, возвращаясь, переходят в конкретные поступки и даже дела.

С помутневшим взором человек поднялся с колен. В его десятилетиями нечёсаной голове, на солнечном свете, были хорошо видны серебряные проседи. Но он не знал о их существовании так же, как и не знал причины их появления. И вообще он не знал, что все это означало.

А пока он был полон неиссякаемой жизненной энергии, которую в случаях необходимости, он мог использовать вместе со своими серыми друзьями во времена азартной, неповторимо захватывающей, охоты.

Так же внезапно, как и была нарушена, наступила тишина. Сидя на задних лапах, волки внимательно следили за человеком, который поднял руку и указал ею в сторону ближайшего леса. Серая стая зашевелилась и быстро двинулась за вожаком в указанном направлении. К немым жестам и некоторым голосовым сигналам человека, было хорошо заметно, волки давно уже привыкли. Это был сигнал к охоте.

Большими быстрыми прыжками человек двинулся следом за скрывшейся в снежной пыли, поднятой собственными ногами, быстро удаляющейся волчьей

стаей. Бег помог его телу основательно разогреться и сосредоточиться на предстоящей охоте, которую они проводили только с единственной целью – утолить голод. Из орудий охоты на его поясе висел только нож, в кожаных ножнах, на таком же кожаном поясе, с металлической пряжкой.

-5-

Во время движения за волками Ксений вновь мысленно ушёл в воспоминания.

Надеясь найти мать, он осторожно прокрался в село, над которым стояла жуткая тишина, иногда прерываемая хриплым протяжным криком ворон да редким отрывистым лаем, оставшихся в живых бесцельно бродящих по затухающему пожарищу, собак.

Над селом ещё стоял едкий дым от догоравших деревянных построек, сильно тошнило от запаха паленой шерсти и паленого мяса от обгорелых трупов.

Испугавшись увиденным, Ксений, озираясь по сторонам, обошел все село, но мать свою так и не нашёл. Размазывая слезы по грязному опухшему лицу, он, совершенно не понимая – зачем, дрожа всем телом от страха, трясущимися руками снял с мертвого односельчанина кожаный пояс с ножом в таких же кожаных ножнах.

В село он приходил ещё несколько раз, собирая нужные ему вещи и унося их далеко в лес. Чего хотели солдаты от сельчан и почему сожгли его село, он так и не узнал. Единственное, что он хорошо запомнил, так это клочок красного порванного полотнища, прикрепленного к свежо вырубленному березовому черенку и прибитому к козырьку крыльца большого дома в центре села.

Принесенных из села теплых вещей ему едва хватило на четыре суровых и очень морозных зимы, в течение которых он дважды едва не замерз, но спасали волки, дважды тонул в полноводной реке во время весенних паводков, но его снова спасали волки.

Он настолько сильно сдружился с ними, что скажи ему кто-нибудь даже тогда в те давно прошедшие времена, что волки всегда были и будут очень опасными врагами для человека, Ксений был бы до глубины души возмущен.

А сегодня это были его единственные и очень верные друзья.

В разгоряченный мозг снова с огромной силой, будто это было вчера, ворвались воспоминания прошлых лет.

Перед ним снова четко и ясно встала картина первой встречи с волком, а, вернее всего, с волчонком. Именно с одним из тех, которого сегодня уже не было рядом с ним, потерю которого, в общем-то, стая и не заметила, потому что это была их обычная жизнь, скрывающаяся за реальной действительностью.

Ксений же потерю друга переживал по-своему сильно.

-6-

Однажды после того ужасного пожара и побоища, с грустными мыслями в голове, все время тяжело вздыхая и всхлипывая, а всхлипывал он еще очень долго особенно во сне во время тревожного сна, когда спал где-нибудь под кустом или в заросшей мхом яме, постоянно вздрагивая. Всхлипывал он даже и тогда, когда бродил по лесу в поисках какой-нибудь пищи, состоявшей в основном из ягод, которыми он никогда не наедался.

Голод постоянно заставлял его двигаться и все время

что-нибудь есть. Пища снилась ему даже во время сна. Он постоянно видел перед собой стол с расставленными на нем глиняными плошками, полными то дымящегося вареного картофеля, то молочной каши, то щей или зеленых овощей с квасом, приготовленным из квасцов руками его матери.

Поразительно, но чаще всего он просыпался при виде во сне глиняной кринки на столе, наполненной парным коровьим молоком и, ни к кому не обращаясь, снова и снова просил хлеба, запах которого так и смог забыть до сих пор.

И тогда прислонившись к дереву, обняв свои маленькие изодранные колени грязными руками, положив на них голову, он долго-долго плакал навзрыд, растирая соленые слезы грязными кулаками по такому же грязному лицу.

И только со временем Ксений научился ухаживать за своим телом в этих диких природных условиях.

-7-

В один из таких суровых дней, наплакавшись вволю после очередной бессонной ночи, он, шагая по сырой от росы, едва приметной звериной тропе, увидел между двумя черемуховыми кустами барахтающийся небольшой серый комок. Шевелящийся комок то сердито рычал, то жалобно скулил.

Ксений, позабыв о своём горе, приблизился к живому комочку и увидел, что это был маленький щенок.

Мальчик с радостью бросился к щенку, но тот сердито зарычал и вцепился зубами в кусок металла, в котором была зажата окровавленная передняя лапка.

Сообразив, что это капкан, Ксений попытался освободить из него лапку, но щенок не давался, кусая непрошеного гостя за руки. Тогда мальчик быстро

снял с себя куртку и накрыл ею голову щенка.
Ему стоило огромного труда и усилий, чтобы раскрыть большие металлические клешни капкана и освободить из них лапку маленького пленника. Не снимая с головы зверька куртку, Ксений с радостью прижал серый комок к своей груди и понес, сам не зная куда, по тропинке в глубь леса.
Зверек вначале попытался освободиться из повторного плена, но, видимо, инстинктивно чувствуя, что его уже больше никто не обидит, постепенно успокоился и затих на руках у мальчика.
О чем думали эти две горемычные и, по-видимому, сиротские души, человек и животное, оба оставшиеся по воле человека без родителей, одному только Богу известно.
О том, что это был волчонок, Ксений даже и не догадывался. Наконец, устав от ходьбы, мальчуган остановился на берегу широкой полноводной реки и присел на торчавшую из-под воды небольшую каменную глыбу.
Осторожно высвободив из-под куртки щенка, он поднес его к воде.
Щенок, уже не сопротивляясь, начал жадно щелкать язычком по водной глади. Напившись, он уставился на своего покровителя. В его удивительно открытом и искреннем взгляде было что-то очень простое и наивное, что Ксений впервые за много дней своих скитаний улыбнулся и залюбовался щенком.
Уши щенка ещё плохо слушались своего маленького хозяина и постоянно сваливались вперёд. Красивые полные стройные лапы в сочетание с сильной широкой грудью выглядели грациозно. Чувствовалось, что это будет достойный властелин здешней дикой природы.

Ксений нагнулся, погладил щенка по спинке и ласково потрепал за шею. Щенок доверительно лизнул его в руку и начал осторожно и тщательно зализывать раненую ногу, примостившись между ног мальчика прямо на валуне. Расставаться друг с другом им явно уже не хотелось.

Ксений облюбовал на берегу возле раскидистой березы место и начал сооружать что-то подобии шалаша. Жилище по его детскому убеждению получилось отменным. Сидя рядом под березой, щенок внимательно наблюдал за каждым движением своего покровителя.

Управившись с работой, уставший и как всегда голодный, Ксений залез в шалаш, позвал за собой единственного четвероногого друга. Щенок послушно проковылял на трех ножках за мальчуганом и улегся поближе к выходу.

Как долго он спал, Ксений не помнил, но проснулся он от странного и немного жутковатого звука. Высунувшись из шалаша, мальчик увидел черное звездное небо и такую же черную, журчащую на перекатах, переливающуюся под мерцанием звезд, гладь реки, на берегу которой на каменном валуне сидел такой же черный его четвероногий друг. Подняв голову к звездам, он протяжно и немного жутковато выл.

Мальчику стало не по себе. Холодный страх на какое-то мгновение сковал его тело. Его сильно знобило, он боялся пошевелиться. Но вдруг страх исчез и на смену ему пришло сильное удивление:

- Да это же волчонок!- Подумал Ксений.

- Вот это дааа! А я то думал что это, собачонок!-

Присев у входа в шалаш, он неумело свистнул, волчонок тут же оглянулся, вильнул хвостом и, сильно

хромая запрыгал к мальчишке.

За этот короткий миг всего лишь неполного дня и ночи они стали, как потом подтверждалось не один раз, настоящими друзьями, друзьями на всю жизнь, совершенно не предполагая, что разлучить их сможет разве что – смерть.

-8-

Лесной массив постепенно уходил вверх, вплотную подходя к скалистым высоким горам, у подножья которых извивалась темной лентой горная, достаточно широкая, река.

На реке, местами, зияли темные полыньи со звоном журчащей в них водой. Многие полыньи служили в зимний период, зимующим в этих местах животным, водопоем.

Ксений вел свою стаю к одному из таких мест, находящемуся в очень узком ущелье, где река из-за очень быстрого течения почти не замерзала всю зиму.

До ущелья было еще далеко, и Ксений залюбовался красотой зимних гор и хвойного леса. Он сильно любил здешние места.

Тайга и горы вскормили и вырастили его с десятилетнего детского возраста, а волки, волки воспитали в нем здесь силу воли и мужества. Природа и звери научили Ксения уважать и любить очень жесткие, подчас невыносимые, суровые законы природы.

Он ни о чем не думал, потому что в данный момент весь его организм был подчинен лишь только одному охотничьему азарту.

Волчья стая во главе со странным двуногим вожаком спускалась сверху вниз по течению реки, обходя завалы и снежные заносы, иногда выбегая, то на белую гладь извивающейся замерзшей реки, то легкой

трусцой, пробираясь берегом и, срезая путь, по галечным отмелям, продвигаясь все ближе и ближе к намеченной цели.

-9-

Снизу, вверх по течению, реки, к этому же ущелью, двигались две фигуры в маскировочных белых халатах. Это были охотники.

И так получалось, что они шли к тому же месту, куда бежала и волчья стая. Расстояние между ними неумолимо, очень быстро, сокращалось.

Возбужденные охотничьим азартом, люди увидели, а волки почуяли, что у водопоя находится небольшой табун диких коз. Обе группы оказались на водопое одновременно, но на разных берегах реки. Увидев друг друга, они остановились как вкопанные.

Воспользовавшись замешательством охотников и волчьей стаи, козы быстро бросились в воду и, проскочив мимо лыжников, скрылись за поворотом реки, тяжело убегая по глубокому снегу в лес.

- Вот это дааа! Вот тебе и байка! Это надо же, собственными глазами увидеть такое! А ведь никому, никогда, не верил!

Оказывается, это действительно правда, что вожаком в одной из волчьей стаи в этих местах ходит какой-то дикарь, похожий на человека! – Прицеливаясь в дикаря, окруженного волками, прохрипел с испугом один из охотников.

- Расскажи кому – ни за что не поверят! Да вот же он сам, перед нами! Вот чудище так чудище! А вот я его сейчас «сниму»! – И он нажал на спусковой крючок карабина.

Но в эту же секунду, совершенно не понимая зачем, товарищ ткнул его в бок. Прогремел выстрел. И эхо, подхватив звук выстрела, раскатисто унесло его в

горы.

Существо, одетое в изодранные шкуры, с заросшим лицом, страшно и протяжно взвыло, схватившись за раненое плечо здоровой рукой, в которой был зажат нож, потом вновь коротко крикнуло и волчья стая, повинуясь его сигналу, бросилась в воду. Стая быстро поплыла на противоположный берег, туда, откуда прогремел выстрел.

Но как только волки, достигнув противоположного берега, бросились к лыжникам, их вожак снова подал какую-то отрывистую команду и показал здоровой рукой туда, откуда они только что появились.

Стая нехотя повиновалась его голосу и жесту.

Охотники ещё долго стояли в оцепенении. Они с изумлением смотрели на удаляющуюся стаю волков, в центре которой, тяжело шагая, с опущенной вниз седой головой, зажав раненое плечо здоровой рукой, медленно брёл их вожак.

С тех пор подобной встречи ни с кем и никогда не происходило, но иногда, когда лес и горы покрывались белым пушистым ковром, высоко в горах, изредка можно было увидеть на волчьей тропе, среди волчьих следов, невероятно крупные следы босоногого человека.

2006г.

ПИРОГИ.

рассказ

Проболтавшись по «безработице» почти год, после очередного недельного запоя, Костя проснулся очень рано. Лёжа на диване, украдкой стал наблюдать одним глазом, выглядывая из-под одеяла, за собирающейся на работу женой:

- Какая всё же она у меня красавица!- Вдруг нечаянно промелькнула мысль в его, хмельной и тупеющей с каждым днём от постоянных запоев седой голове, но тут же испугавшись, куда-то исчезла.

В этот, немного приятный для вздрагивающей души момент, как гром среди ясного неба, к нему прямо под одеяло залетело:

Всё! Хватит! «Негодяй»! От детей за себя стыдно! К вечеру чтоб духу твоего в доме не было!

- Кому это она так? Мне что ли, говорит?- Не мог никак сразу сообразить Костя.

- Пьянь несчастная! Лентяй несусветный! Настоящим бичом стал! Это же надо додуматься! Целый год на шее жены просидеть! Да ещё и пьянствовать на какие-то шиши умудряется! Ну, хоть бы что-нибудь по дому сделал! Заборы вокруг дома как решето!

Ограда в мусорную свалку превратилась! Да, на кой чёрт такой мужик в доме нужен?! Бессовестный! И как только таких «земля» на себе носит?!- продолжало беспощадно сыпаться сверху в Костино ухо, словно из дырявого потолка.

Съёжившись в маленький, на какой только он был

способен, комочек, Костя медленно потянул на себя одеяло и скрылся под ним с головой, пытаясь создать видимость того, что его будто бы и вовсе нет дома.
Но сквозь одеяло, это ему показалось вечностью, он хорошо слышал, как жена горько и больно плачет.
Примерно часа через полтора хлопнула входная дверь и в доме наступила угнетающая тишина.
Несмотря ни на что, в семье были свои определённые правила, по которым жена на работу, а дети в школу, уходили каждый день и во время.
Костя, медленно озираясь по сторонам, высунул из-под одеяла голову, развернулся на спину. Так, лежа в верхней одежде, что вошло за год в его угарной жизни в норму, он уже в который раз начал казнить себя на все лады:
- Вот дурень, так дурень! Неужели и впрямь жена выгонит из дома? С работы вылетел, а теперь ещё не хватало и с семьёй расстаться!
А какая работа была! Не пыльная, не шумная! Сиди себе, сторожи то, чего на производстве на учёте давно уже нет! И платили-то хорошо! По сравнению с оплатой сторожам других предприятий не плохо!
Сидел бы так себе потихоньку да и сидел! Глядишь, и до пенсии так дотянул бы! Так ведь нет, жирно жить стал! Запил ни с того ни с этого! Вот чума болотная! Доигрался, вылетел так, что и не понял, как за воротами оказался!
У жены терпение лопнуло! Надо завязывать, а то и на самом деле под забором недолго оказаться!-
Почти год назад Костя получил соответствующую запись в трудовую книжку. После чего пропил с друзьями и зарплату, и весь денежный расчет. С холодной дрожью в теле он вспомнил, что за прошедший год в медицинском вытрезвителе бывал,

пожалуй, чаще, чем на работе. Обманывая друзей и знакомых, Костя до такой степени назанимал денег в долг, что уже стал бояться ходить по улицам.

Чаще всего он пробирался трусцой переулками в нужном ему направлении по своим очень важным делам.

- Наверное, и правда хватит похмеляться! Может, действительно хоть что-нибудь по дому сделать надо!?- Лёжа на диване, не бритый, с трясущимися руками и ногами, с трудом переваривал Костя своим серым, изрядно отупевшим от постоянных алкогольных запоев, мозговым веществом.

Кряхтя и охая, он медленно, с трудом, поднялся с дивана. Трясущейся рукой попытался взять ковш с водой, но вода сильно расплёскивалась из ковша. Тогда, со стоном отчаяния, Костя подключил к этой процедуре в помощь вторую руку и, держа ковш обеими руками, стал медленно подносить его ко рту. Ковш мелко дрожал в намертво зажатых ладонях и никак не хотел двигаться по намеченному курсу прямо в рот хозяина.

Сориентировавшись в воздушном пространстве, Костя резким движением головы, наконец, поймал трясущимися губами ковш и прижал его к своим зубам. Послышалось частое позвякивание ковша об зубы.

Тяжело выдохнув, Костя с жадностью стал пить такую драгоценную и такую нужную ему в этот миг спасительную жидкость.

Напившись, он вышел на улицу и только сейчас заметил, что на дворе зима. С трудом вспомнил, какой сегодня месяц года, но дату и название дня недели он так и не смог осилить. Махнул в пустое пространство рукой и решил затопить печку.

Попил крепкого горячего чайку, глядя на весело потрескивающие, на огне в печи дрова, отметив при этом про себя, что ему будто бы полегчало. В слегка улучшенном настроении, он решил навести в доме порядок.

Во время уборки к душе пришлась, на его взгляд, замечательная мысль:

- Кажется, дело идёт к празднику! Дай-ка я угощу сегодня и жену, и детей собственными пирогами!-

Он видел, как жена заводила тесто на пироги и выполнил эту не хитрую процедуру, сильно перемазавшись в муке, как ему показалось, замечательно.

Управившись до обеда с уборкой в доме, Костя увидел, что тесто, находясь в тепле, по его твёрдому убеждению почти готово для стряпни.

Окрылённый благородной затеей, он, для полного своего комфорта и счастья, решил все же немного похмелиться.

- Что я сегодня вновь выпивши, за пирогами никто и не заметит,- заверял он сам себя, собираясь быстро сбегать за бутылочкой «горилки» к сердобольной бабке Марье. Так он ласково и любовно называл бабкин самогон.-

С хорошими мыслями, да за хороший «почин», он раз за разом выпил две стопки самогонного первачка, закусывая при этом в промежутке между стопками, солёненьким огурчиком.

Кружась вокруг квашни с тестом, он исполнил только одному ему известный лирический танец.

Наконец, глядя на тесто, он постарался убедить себя, что оно полностью подошло для стряпни. Дожевывая хрустящий соленый огурчик, Костя с удовольствием приступил к стряпне.

Для начинки он поджарил квашеную капусту. Вылил половину растительного масла из пятисот граммовой бутылки в большую сковороду и поставил её на газовую плиту. Зажег огонь.

Костя приступил к разделке теста на колобки, а затем начал их раскатывать на лепёшечки и начинять начинкой.

Изрядно вымазавшись в муке и тесте, он наконец-то слепил первый пирог, из которого в разные стороны торчала капустная начинка. Воодушевлённый тем, что так быстро освоил новую профессию, Костя весь стол заложил добротными большими пирогами.

- Ничего, что они получились большими! Зато каждому по пирогу и – все сытые!- Успокаивал себя Костя, слегка покачиваясь возле стола.

На плите в сковороде закипело масло. Костя обеими руками схватил пирог за его концы и понес к сковороде.

Быстро донеся до газовой плиты, он в недоумении отметил, что пирог стал длиннее, и никак не входит в сковороду ни вдоль, ни поперёк.

И сколько бы Костя не пытался втиснуть пирог в сковороду, тот никак «не хотел» в ней укладываться.

Из-за суеты и растерянности, хотя под хмелем и чёрт не страшен, Костя с ужасом отметил, что пирог, словно живой растёт в длину прямо на глазах. Тогда в отчаянии, он втиснул его, сколько вошло, серединой в сковороду, а оставшиеся висеть и подгорать на огне концы обрезал ножом и быстро защипнул пальцами края, как показалось стряпчему, чудесного пирога.

В результате таких, удачно проведённых, кулинарной и хирургической, операций у него получились три совершенно разных пирога. Окрылённый этой идеей, Костя воспрянул духом. Похвалил себя за

нововведение в кулинарное производство, с удовольствием выпил еще стопку самогона, и с уверенностью в знании настоящего дела в области кулинарии, начал печь пироги, увеличивая их количество уже непосредственно в сковороде.

- Да! Этих пирогов нам хватит до самого Рождества Христова!- Глядя на большую кучу пирогов на столе, с радостью и воодушевлением подумал Костя, выпивая очередную стопку горячительной влаги.

Управившись с пирогами, а заодно и с самогоном, он, усталый, но, счастливый, завалился на свой диван и тут же заснул.

- Это ещё что такое?!- тыча длинным непропечённым пирогом прямо в нос спящему Косте, прокричала вернувшаяся с работы жена.

- Как это что? Не сообразив сразу, что происходит, довольный собой, улыбаясь прямо с дивана, глядя на своё изобретение в руках жены, спросонья, возмутился Костя.

- Пироги! Не видишь, что ли? Сам пёк! Лично!

- Ах, пироги?! Ты ещё издеваешься надо мной! На, сам их жуй!- И она сунула пирогом прямо Косте в лицо.

Тот, не понимая, за что кричит на него жена, за что бьёт его пирогом по лицу, выскочил на улицу в носках.

Вслед ему, вместе с истерическими воплями жены, летели разнокалиберные, где с начинкой, а где и без неё, его собственные пироги.

ТУФЕЛЬКА.

рассказ

Поймав на самодельный крючок в небольшой горной речушке в свои неполные десять лет первого хариуса, Володька как ошалелый, с криком:

- Поймаааа…л! – Бежал по извивающейся между болотных кочек тропинке к дому.

- Мама, мама, я ры…, я рыбу поймал! Во какая большая! Смотри!- И Володька с гордостью, на какую только был способен его, еще не сформировавшийся детский характер, показал матери так и не снятого с крючка, действительно довольно таки большого хариуса.

Что это хариус, он в то время ещё не знал. Как не знал и того, что не всякому рыбаку удаётся поймать эту «царскую», самую осторожную, самую хитрую и самую капризную рыбу, живущую в реках только с чистой водой, мясо которой на вкус не сравнимо ни с какими другими мясными продуктами, как в варёном, так и в солёном виде.

Наверное, с тех пор он и стал заядлым рыбаком. Сколько рыбы переловил он на удочку, и на каких только водоёмах не побывал, знает лишь его седина на голове, да неугомонный, всегда беспокойный, но жизнерадостный характер.

По тому, как во дворе раздавались повизгивания не вовремя подвернувшейся под ноги хозяину собаки, или шум и звон различных предметов, а, иногда, и слабый голос растерянной хозяйки, соседи наверняка знали, что Володька снова собирается на рыбалку.

Причиной всему этому шуму могло быть только одно объяснение, которое сводилось к догадке, что Володька ещё с вечера уже видел себя на водоёме с удочкой в руках.

Вокруг него на берегу трепещутся то полосатые окуни, то серебристая сорога, то с крупной блестящей чешуёй лещи с карасями.

И совершенно не важно, будь то лето или зима, его сборы всегда были в одном и том же репертуаре, а вернее всего, в семейном ритуале заядлого рыбака.

Ему при каждых сборах всегда казалось, что кто-то без его ведома или разрешения что-то трогал из его рыбацких снастей и не возвращал на место.

Хотя все его снасти и принадлежности лова, находящиеся во дворе, надежно охранял сидя на цепи с0амый верный, в два раза моложе самого хозяина, пёс.

Все же мелкие снасти, хранившиеся в доме, всегда находились под неусыпным надзором ревнивой хозяйки. Вот с этих «сторожей» Володька всегда всё и спрашивал.

В очередной раз, приняв с братьями решение, подёргать окуньков из лунки на озере по перволёдью, у него снова начались хлопотливые сборы.

Видя, как полураздетый хозяин начал часто выскакивать из дома то в сарай, то в гараж, его верный страж, друг и хозяин всего подворья, поджав хвост, тихо забился в задний угол своей старой большой конуры и старался уже не выглядывать, а искоса наблюдать за происходившими переменами с хозяином.

Он хорошо чувствовал потому, что за годы жизни в ставшем уже давно родным, дворе, хорошо изучил накал окружающей обстановки и очень хорошо понимал нрав страстей хозяйского характера, и не раз испытывал его необузданные «ласки» на собственной шкуре.

Видя, как нервничает муж, жена участливо старалась

угодить ему во всём. Как только дело дошло до сборов сумки с обедом, Володька ни с того ни с сего «сорвался» на жену:

- Опять ты мне мясо с костью кладёшь!? Клади одну мякоть! Я что тебе, пёс цепной, глодать её там, на морозе?! А соль где? И хлеба совсем мало положила!-

Обидевшись, жена, молча снова начала собирать незатейливый обед мужу.

Рано утром, со всеми рыбацкими принадлежностями, в ватниках, шубах и валенках с калошами, пройдя через весь город, изрядно вспотевшие, но довольные, братья весело стучались в ворота Володькиного дома.

Странно одно то, что на рыбалку братья всегда ездили мимо своих домов. Но таков уж был их старшой, как ласково называли Володьку младшие.

Получив хороший заряд бодрости от ручной заводной рукоятки вместо стартера, из хозяйских рук и уст, вперемешку с отборными русскими матами, изрядно попрыгав на месте и поскрипев, видавший всякое на своем веку старенький «Запорожец» наконец-то зачихал, задышал и бойко загудел.

Пока прогревалась машина, братья начали укладывать вещи и снасти уже под звуки работающего с перебоями автомобиля и голос все ещё чем-то недовольно ворчавшего его хозяина.

- Наконец-то!- Провожая взглядом через окно надрывно визжащий «Запорожец», облегчённо вздохнула жена.

Но на этом весёлые рыбацкие страсти заядлых рыбаков только начались. Братья наперебой ударились в воспоминания, вспоминая о том, как кто-то из них когда-то поймал воооо…т такую щуку, разводя руками в разные стороны.

Но дверка машины не давала показать до конца

полную длину этой щуки, иначе бы в азарте воспоминаний и неисчерпаемых плодов фантазий рассказчику точно пришлось бы, вывалившись из кабины, догонять чудо автомобиль с его неисчерпаемой ёмкостью груза. Младший из братьев, захлёбываясь воздухом, рассказывал, какого он однажды выловил налима, что тот даже в лодку не вошёл.

- Это что! Вот я однажды вот такого леща отхватил! Вооо…т такого! – И, выпустив из рук руль, Володька показал рукой, закрывая ей лицо среднего брата, до противоположной дверки автомобиля!

- В общем, как хорошая шахтёрская лопата!- Продолжал он накалять рыбацкие страсти.

В ходе шумной беседы всё желаемое выдавалось, за самую что ни на есть, сокровенную правду.

И они с огромным удовольствием и с каким-то сладостным упоением, в ожидание скорейшего лова, рассказывали друг - другу всякие были и небылицы, искренне веря во всё, весело и возбуждённо смеясь всю дорогу до озера.

Покрытое тонким льдом и слегка запорошенное первым осенним снегом, озеро радовало глаз и как-то по особенному согревало и успокаивало душу.

Наступила магически торжественная тишина, в которой каждый, уже отработанными с годами движениями, всё делал машинально, сосредоточенно спокойно и с удивительно точными движениями, безо всякой суеты.

В этой звенящей тишине, спустившись на озеро, каждый облюбовал себе место и …

тишину нарушил скрип тонкого и ещё не очень крепкого льда, тронутого очень острыми металлическими ножами рыбацких буров. Лунки

бурились не далеко одна от другой, в только известной каждому рыбаку геометрической пропорции.

У всех был свой «коронный» секрет лова рыбы, который с годами невозможно было передать даже по наследству. Таков неписанный закон рыбацкого мастерства.

Никто не разговаривал, лишь только слышен был звонкий скрип снега от быстрых шагов, спешащих от одной лунки к другой.

Выполнялась одна из обязательных операций лова – подкормка рыбы в каждой лунке и обязательная проверка на «клёв» удочкой. Немного посидев над каждой лункой с удочкой, сняв первый порыв возбуждения рыбацкого азарта, братья начали беспокойно и ревниво спрашивать друг у друга:

- Ну что, клюёт?!
- У меня – нет! А у тебя?!
- И у меня пока нет!

Таким образом, убедившись, что клёв рыбы пока ещё не начался, что они не опоздали, улыбаясь, братья начали подшучивать друг над другом, как бы продолжая прерванные воспоминания в дороге…

- Не пора ли братцы позавтракать, а заодно и пообедать?- Вынимая из нагрудного кармана за блестящую серебряную цепочку карманные часы и глядя на циферблат, прервал немного хриплым голосом рыбацкую тишину Володька, щурясь на яркое, ещё не зимнее солнце.

- А то у меня что-то в желудке засосало,- и он первым заскользил ногами в резиновых калошах по тонкому льду к стоявшему на берегу «Запорожцу».

Следом за ним, оставив удочки возле лунок и глядя на приличный улов вокруг них, шаркая по льду

резиновыми подошвами калош, боясь проломить тонкий лёд, заскользили и братья.

Каждый достал свою сумку, нахваливая при этом, что же больше всего ему нравится на зимней рыбалке из продуктов.

Один нахваливал варёную колбасу со свежепосоленным салом с мясными прослойками да с чесночком.

Другой брат гордился мясными котлетами, сдобренными различными специями. И, что если к этому добавить домашней горчички с круглым варёным картофелем, то лучшего обеда и желать не надо!

Выкладывая содержимое своей сумки, Володька нахваливал хорошо отваренное молодое свиное мясо, лучше которого, сдабривая горчицей, он ещё в жизни не пробовал и которое жена готовит для него по заказу.

Он, сглатывая выступавшую во рту слюну, с удовольствием, улыбаясь, подставляя солнечным лучам лицо, начал раскладывать на капоте автомобиля несколько головок чеснока и лука. Затем, не спеша, достал из сумки коробочку с солью и круглую пластмассовую баночку с горчицей.

Вынул из ножен собственного производства самодельный нож и с наслаждением начал разворачивать большой бумажный сверток.

По мере того, как всё больше и больше газет он снимал со свёртка, его лицо постепенно принимало загадочно недоумённый вид. Весёлая улыбка с его лица постепенно исчезла совсем.

И вдруг братьям показалось, что его голубые глаза на какое-то мгновение стали не то красными, не то чёрными. Каждый из них позднее доказывал свою

версию.

Расшвыряв вокруг себя добрую квартальную подписку «Сибирского хлебороба», развернув последнюю газету, он, задыхаясь от нехватки воздуха, держал перед своим носом дрожащими руками … прекрасный женский туфель зелёного цвета.

Сверху, играя всеми цветами радуги в лучах осеннего солнца, красовалась элегантная перламутровая пряжка.

Модный современный каблучок – шпилечка дополнял невидимое представление интимно магического обаяния обладательницы этого предмета.

- Что это за…?! - И тут он выдал такую серию отборных слов, что если бы они стояли в этот момент на льду, то уж точно провалились бы в воду потому, что любой толщины лёд вряд ли выдержал бы натиск такой психологической нагрузки на него, будь он одушевлённым предметом.

- Откуда он здесь взялся?! Чей он?! – Не узнавая самим же когда-то подаренный жене на день рождения туфель, продолжал он громыхать своим басом на всё озеро.

В какую-то долю секунды братьям показалось, что на озере даже лёд зашевелился от его рёва.

- А где же мясооо…о?! Мясооо… о – то гдеееe…е?! Я же мясо велел ей положить!!! И чтоб без костееее…й!!!

Швыряя в неконтролируемой истерике подальше от себя прямо на лёд сверкающий перламутровой пряжкой элегантный туфель, он продолжал реветь, не в силах остановить разбушевавшуюся в душе горькую бурю, всё больше и больше становясь похожим на подарок дорогой супруге.

Так продолжалось, наверное, минут двадцать.

Наконец успокоившись, беря мясную котлету у одного из братьев, он внезапно расхохотался, вытирая при этом носовым платочком выступившие от смеха слёзы, причитая:

- Ну, жёнушка! Ай да молодец! Вот собрала, так собрала муженька на рыбалку! Вот уж уважила, так уважила! Вот научила, так научила!

А ведь сколько продуктов на столе ею было положено! Выбирай – не хочу! Уж теперь-то, я это дело больше никому не доверю!

И, братья, глядя на зелёную туфлю, сиротливо лежащую на льду, долго и дружно смеялись, выкидывая при этом смачные безобидные рыбацкие шутки в адрес Володьки.

Они с удовольствием расхваливали на все лады обед, приготовленный таинственной обладательницей зелёной туфельки.

2004г.

ЗАГАДКИ ЧЁРОГО ИЮСА.

повесть

-1-

Однажды, ранней осенью, в одну из очередных своих поездок в горы Кузнецкого Алатау по загадочным берегам одного из притоков реки Чулым, горной и очень своенравной реки Чёрный Июс, мой младший брат, как заядлый рыбак и любитель больших приключений, уговорил меня поехать с ним на очень

увлекательную ловлю хариусов.
Я слышал, что только настоящие рыбаки – фанаты знают, как трудно и в тоже время очень интересно ловить эту «царскую» рыбу, и согласился.
На следующий день мы были уже в пути. Подъезжая к одной подтаёжной деревушке, брат изъявил желание заехать к другу – рыбаку, с которым давно не виделся. Подъехали к старенькому, стоявшему у дороги на краю деревни домику и посигналили.
Из дома вышла девочка, на вид лет четырнадцати. На наш вопрос, дома ли отец, она ответила, что его нет дома, потому, что не вернулся с рыбалки из тайги, куда уехал ещё в начале августа.
Девочка часто заморгала мокрыми от слёз глазами и, всхлипывая, добавила, что мама заявила об этом в милицию.
Брат вздрогнул и с тревогой возмутился, ни к кому не обращаясь:
- Ведь сейчас конец сентября, а его всё нет!?-
Дальше мы ехали немного «подавленные» услышанной новостью и изредка строили всякие предположения и догадки по поводу внезапного исчезновения друга.
Инстинктивно я почувствовал, что брат специально изменил ранее намеченный маршрут, и как бы отвечая на мой немой вопрос, задумчиво сказал:
- Я повезу тебя по тем самым местам, где мы с Женькой, так зовут моего друга, не раз рыбачили, и очень удачно. Чем чёрт не шутит, возможно, и встретим его!?-
Я с готовностью согласился с таким решением, чувствуя, что тревога за друга у брата растёт с каждой минутой.
Немного помолчав, он, как бы читая на моём лице ряд

интересующих меня вопросов, ни о чем не спрашивая, с большими интервалами поведал о жизни своего приятеля. Я никогда бы не подумал, что судьба этого человека близка и дорога брату.

-2-

Отсидев в тюрьме положенный срок, в течение которого он так и не понял, за что сидел, счастливый Женька, с мыслями, что наконец-то он на свободе, ехал домой.

Он ехал домой, к своей ненаглядной и безумно любимой каждой клеткой своего ещё молодого организма, милой Софьюшке.

- Ну, скорей же! Поехали! Ну что же ты так долго стоишь? И кто только придумал такие долгие стоянки?! – с огромным нетерпением и с нескрываемой досадой, плохо владея собой, думал он, а иногда, и говорил вслух, сидя в общем вагоне пассажирского поезда.

- Милая! Дорогая моя! Любимая Софьюшка! Спасибо тебе за всё! За твою поддержку и ласку! Спасибо за сына, которого ты родила для меня!

И хотя я его ещё ни разу не видел, но я безумно люблю вас обеих, родные мои! Какая же ты у меня прелесть!

Даже сына назвала моим именем! Спасибо тебе, Софьюшка!- Не замечая в вагоне пассажиров, глядя в окно на зимний пейзаж природы, любуясь милым образом жены, стоящим у него перед глазами, разговаривал сам с собой соскучившийся по родным людям Женька.

Не было бы этой разлуки, если бы не нелепый случай. Жили они с молодой женой в строившем Саянскую ГЭС молодом красивом городке Саяногорск в прекрасной однокомнатной квартире.

Сам Женьке работал в одной крупнейшей на стройке автоколонне электриком.

Как специалист он был на хорошем счету и у начальства, и у товарищей по работе. Но досадное недоразумение изменило и искалечило всю его дальнейшую жизнь.

Однажды, во время очередного его дежурства, загорелся один из гаражей с находящимися в нём тремя автомобилями.

Причиной возгорания была признана неисправная гаражная электропроводка. И за причиненный ущерб получил Женька три года суровой лагерной жизни, оставив под покровительством одного только Бога свою любимую и нежно любящую его, на восьмом месяце беременности, Софьюшку.

Провожая мужа в не столь отдалённые места, Софьюшка навзрыд клялась верой и правдой ждать его хоть всю жизнь…. И… дождалась.

Вряд ли кому очень точно и очень правдиво приходилось описать встречу двух очень любящих друг друга сердец.

У всех и везде она происходит далеко не одинаково. У каждой встречи своя судьба.

На требовательно заливающийся звонок в свою квартиру Софьюшка поспешно открыла дверь. На пороге в открытых дверях стоял бледный, как стенка, её муж.

С широко раскрытыми глазами на сильно дрожащих ногах Софьюшка медленно начала садиться на пол. Ударившись об дверной косяк головой, она потеряла сознание.

-3-

Старая дорога, по которой в далёкие сороковые годы вывозили лес из тайги, извиваясь между сопками,

уходила далеко вглубь необъятной тайги.
- К золотарям пошла, - прервав свой рассказ и кивнув на дорогу головой, сказал брат.
- Там, далеко в горах, люди моют золото целыми артелями. Говорят, что хорошо получают при этом. Но вот только что-то ни одного богатого работягу, вышедшего оттуда, я еще в своей жизни никогда не видел.
В основном, с чем приходят, с тем и уходят отсюда. Здесь «золотая» правда покрыта мраком. Уволившихся оттуда рабочих, и он показал рукой в сторону рудника,- сейчас годами рассчитывают. Всё денег для полного расчета нет.
Вот видишь, и здесь в глухой тайге закон «прихватизации» действует безотказно,- думая о чём-то своём, подвёл неожиданный итог Анатолий.
Иногда на нашем пути попадались бурные горные небольшие речушки.
Мосты через некоторые из них были либо полностью разрушены, либо полуразрушены и тогда нам приходилось переезжать речки вброд.
- В верховьях многих из этих речек старатели моют золотой песок кустарным способом в надежде найти хорошие россыпи, но пока безрезультатно. Многие золотоискатели поплатились за жёлтый песок своими жизнями.
Но об этом знают только горы, тайга, да красавец Июс.
Если бы они умели говорить, то многое бы нам рассказали не только о людях, но и обо всех режимах властей в этих горах,- объезжая на дороге выбитые ямы, продолжал брат.
- Вот и Женька, где он сейчас?! У кого спросишь? У гор? У тайги? Они не скажут! У Июса? Так ведь этот

хитрый и коварный «чертёнок» разве скажет!? Нет брат, это не люди! Эти умеют хранить свои тайны! Вот так-то!

- Ну а что дальше-то с ними произошло?- имея ввиду Женькину семью,- осторожно, боясь сбить брата с начатого рассказа, спросил я.

- А дальше что?! ... Дальше….

-4-

Очнулась Софьюшка на кровати. Рядом, на краешке сидела женщина в белом халате, а возле неё суетился осунувшийся, с блестевшими глазами, мужчина. Сквозь туманную пелену глаз она с трудом узнала в нем своего мужа, и, как ребенок, потянулась к нему дрожащими руками.

Не стесняясь врача, супруги молча и крепко обнялись и застыли в объятиях друг друга. Когда очнулись, то в квартире уже никого не было.

- Сын… в садике, а я… вот… немного приболела. Прости меня, Женечка!- Едва слышно, сквозь слёзы, обнимая и целуя мужа, шептала Софьюшка.

- Господи, да, уж, не сон ли все это?!- Гладя дрожащей ладонью своей руки по его слегка заросшему щетиной лицу, и, заглядывая в милые сердцу глаза, продолжала она всхлипывая.

- Что ты! Что ты, Софьюшка! Здесь я, здесь, с тобой! Теперь нас никто и никогда больше ни за что не разлучит!- Скороговоркой, целуя в глаза и лаская рукой жену по голове, любуясь её таким милым и немного наивным лицом, запальчиво наговаривал Женька.

Ещё долго Женьке не верилось, что наконец-то он дома.

После того как он с трудом устроился на работу, его жизнь и жизнь его семьи постепенно начала входить в

нормальное семейное русло. Кроме жены и сына он никого вокруг себя не замечал. Даже плоские шутки в адрес своей жены с гордостью парировал:
- Она у меня «кристальная»!
- Смотри, как бы этим «кристаллом» другой кто-нибудь не воспользовался!- Многозначительно шутили знакомые.
И, как бы спустившись на землю, дома он стал замечать, что в Софьюшкином поведении происходят какие-то непонятные ему изменения.
Приходя со смены, она всё неохотнее вступала с ним в разговоры, ссылаясь на усталость и беременность, пряча от него взгляд своих карих глаз.
Что жена беременна, Женька узнал от неё несколько дней назад и был от счастья на седьмом небе.
Постепенно их взаимоотношения стали почти невыносимыми. Женька всё время думал, что все капризы жены, её постоянное нервное и возбужденное состояние из-за беременности.
Но в душе он был очень рад, что жена беременна и по возможности старался ни в чём ей не перечить.
Наконец Софьюшка родила семимесячную дочку, которая не принесла ни малейшей радости им обеим. Женька недоумевал:
- Прошло всего восемь месяцев, как он освободился, а дочка, как отметила участковый детский врач, родилась вполне здоровой и нормальной девочкой под «счастливой звездой». Что же это всё значит? И Софьюшка почему-то продолжает нервничать.
Но однажды его как кто обухом по голове саданул:
- Выходит, что она … уже до его приезда … была беременна!?-
Ему стало плохо и жарко:
- Софьюшка, что же ты наделала? Зачем же ты так со

мной? Ведь я же люблю тебя! Софьюшка …!-
Перед глазами у него всё вокруг завертелось, закружилось, и Женька тяжело опустился на лавочку в осеннем скверике, где с удовольствием беззаботно играл с падающими с деревьев осенними листьями, его сын.

-5-

- Посмотри вон на те четыре вершины! Их братьями зовут!- Показывая указательным пальцем правой руки, на сильно похожие друг на друга, четыре загадочных вершины, отвлёкся брат.
- А первые две вершины – зовут «Близнецами»!-
Приглядевшись к первым двум скалистым вершинам, я действительно убедился, что они очень сильно похожи друг на друга не только рельефом, но и лесным покровом.
- Люди в этих местах из поколения в поколение передают загадочные и таинственные легенды про каждую из этих скал и окружающий их лесной ландшафт.
А за этими сопками, там, высоко в горах, между снежных вершин, лежит очень красивое большое озеро, омывающее тайнами своих волн склоны каждого скального брата.
Вода в озере настолько прозрачна, что даже на большой глубине дно видать. Это озеро сильно богато обилием и разнообразием рыбного царства.
Так вот, говорят, что хариус в Июс из этого озера попал и, что Чёрный Июс берёт своё начало якобы из озера.
Может потому хариуса и называют «царской» рыбой. Но в народе существует и ещё одна версия по этому поводу в легендах и сказаниях.
Так вот здесь, на Июсе, и «заразился» Женька

рыбалкой. Полюбил он эти места, сильно полюбил!
- Но как он сюда попал?- спросил я брата.
- Видно судьба, раз попал!- продолжил
Анатолий прерванный рассказ.

-6-

Пытаясь наладить свои взаимоотношения, Женька с Софьюшкой прожили ещё два года, купив за это время для полного семейного счастья автомобиль «Москвич».

Но эта покупка через три месяца привела их и без того сложную семейную жизнь к полному семейному развалу.

Женька, сумевший подавить в себе все чувства ненависти и обиды на жену, сильно полюбил девочку и очень скучал по ней, особенно на работе. Уж больно похожа она была на свою мать.

Раньше он никогда с работы не заходил за девочкой в садик, но в тот злополучный день решил заехать за ней на автомобиле.

Остановившись у скверика, где обычно дети гуляли с воспитателями, Женька сквозь стекло машины увидел Софьюшку и рядом с ней незнакомого мужчину. Мужчина держал на руках Женькину дочь. Он о чём-то весело разговаривал с девочкой и матерью.

Женька увидел, что некоторые черты лица дочки схожи с чертами лица этого человека. Его бросило в жар, затем его тело начало сильно знобить. Он почувствовал, как тело наливается свинцом. На короткий миг Женьке показалось, что тело разваливается на части.

Он задыхался. Ему не хватало воздуха. Ни руки, ни ноги не слушались его. В душе образовалась страшная пустота. И боль, боль в той самой области груди, где находится сердце, будто там была поставлена

медленно вращающаяся мясорубка, через которую вначале пропустили его душу, а затем и его онемевшее тело.

В его глазах стоял кроваво-черный туман, в котором маячили два очень дорогих ему образа и тот мужчина.

Мысли бессвязными обрывками влетали в его головной мозг, и также быстро вылетали обратно в пустоту.

- Кто этот мужчина? Зачем он взял на руки мою дочь? Что ему от них нужно? Почему он с ними? Ах да, он же похож на дочь!

Софья, Софьюшка, помоги мне! Скажи, что это всё сон! Что это всё не правда! Скажи, что это просто знакомый или вообще посторонний человек! Как бы я хотел, чтобы это всё было именно так!-

В это время его руки и ноги начали бессмысленно и лихорадочно работать.

Руки сами нашли ключ зажигания и завели машину, а ноги нашли нужные педали и помогли рукам включить скорость и овладеть рулём.

Дальнейших событий Женька уже не помнил. Очнулся он в хирургическом отделении городской больницы. Рядом с его кроватью на стуле сидела заплаканная бледная жена, а возле неё стояли их испуганные дети.

Дочка, часто моргая глазками, гладила его руку и осторожно дотрагивалась до забинтованной головы. Женька, пересиливая боль в груди, попытался улыбнуться ей.

Потом внимательно и пристально посмотрел на жену. Она, не выдержав его сурового, пронизывающего холодом взгляда, опустила свои глаза вниз и тихо, почти беззвучно, заплакала.

-7-

- Ну, вот, мы и у цели. Это первая наша стоянка,- понял я, что Анатолий говорит об этом, имея в виду друга.-

- Здесь мы и заночуем. Ты как, не против ночлега?- Обращаясь не то ко мне, не то к огромному столетнему кедру, вросшему своими могучими корнями в гравийно-песчаный берег с не очень толстым слоем чернозема быстрой и очень капризной полноводной реки Чёрный Июс.

- Эта горная очень «гордая» загадочная река, несущая в своих водах множество всяческих тайн, рассказов, небылиц и, конечно же, легенд, капризная и своенравная река, за все своё многовековое существование никому ещё не раскрыла ни одного секрета.-

Кедр грациозно приветствовал нас своей шикарной и величавой кроной. Вокруг нас была загадочная дремучая тайга.

Я от души поблагодарил брата за отлично выбранное место стоянки и прекрасную панораму дикой тайги, которая открывалась перед нами на берегу, журчащего на перекатах реки Июс.

Мне очень сильно захотелось в болотных сапогах зайти на средину речного переката и подслушать, о чем же идет беседа между рокочущими водами реки и мелким, перекатывающимся по дну реки, под натиском неугомонного водного потока, галечником вперемешку с крупицами разноцветного песка.

Я с величайшим удовольствием часами могу смотреть на своё очень маленькое открытие, что песок и мелкий галечник, передвигающиеся в воде, имеют совершенно другой, свой оттенок красоты, каждый в отдельности, но брат, видя моё нетерпение, с улыбкой

продолжил:
- Эта не моя стоянка, а Женькина. Он сам выбирал место, когда мы были здесь в первый раз.
- Какая же здесь красота!- Не мог налюбоваться я здешним пейзажем.-
Наверное, твой друг не только большой любитель рыбалки, но и природы!?- поинтересовался я у брата.
- Это точно! Уж что-что, а любовь к природе он, наверное, унаследовал от своих родителей. Ведь именно родители сманили его на строительство самой мощной в мире ГЭС. Там очень красивые места.
Представляешь, беломраморные горы во многих районах спускаются прямо в воды Енисея и местами устилают его дно. Строительство Саяно-Шушенской ГЭС стало из легенды не просто былью, а настоящей явью.
Установили палатку. Расставив вещи и рюкзаки с продуктами по своим одному ему известным и выработанным правилам, брат настроил удочку и ушёл на рыбную разведку в верховье реки.
Я с любопытством принялся осматривать природный ландшафт вокруг нашего лагеря.
Вернулся брат поздно, когда первые блики ночи уже подступали всё ближе и ближе к разведённому мною костру.
На костре в котелке его давно поджидал горячий чай, заправленный поздними цветами лекарственного белоголовника, молодыми листьями смородины и черёмухи. В кипятке сверху плавали плоды шиповника.
Брат был явно чем-то озабочен, и я не приставал к нему с расспросами.
- Женькину рыбацкую сумку видел, валялась на берегу вся изорванная.

Ничего не могу понять, что же с ним всё-таки произошло?-

Я понял, что рыбалка его сегодня совершенно не интересовала. Он искал друга.

Красные языки пламени от костра выхватывали из темноты озабоченные черты его, загоревшего за лето, лица.

Поужинали всухомятку, запив горячим ароматным таёжным чаем.

Глядя на костёр и весело, с треском, разлетающиеся кверху искры от огня, потирая рукой подбородок, Анатолий, ни к кому не обращаясь, задумчиво продолжил, как бы уходя воспоминаниями куда-то в далёкое прошлое, свой ранее прерванный рассказ.

-8-

Выписавшись из больницы, домой Женька уже больше не пошёл. Никому ничего не объясняя, быстро рассчитался на работе и ещё быстрее покинул город Саяногорск.

С одним чемоданом, полным горечи, боли и разочарований, он вышел за город на трассу и на попутном «КамАЗе» уехал в столицу Хакассии. В Абакане на железнодорожном вокзале, он купил билет до Новосибирска скорым поездом Абакан – Москва.

Женька совершенно не задумывался, куда и зачем едет? Он не знал, как успокоить душу, чем заглушить ту боль, которая, сдавив грудь однажды, там, возле детского садика, стала постоянным спутником, вот уже на протяжении нескольких месяцев в его груди.

Он, не находя себе ни ответов на свои уже не нужные вопросы, ни места своим беспокойным ногам, не дающим телу и душе покоя, тяжело вздыхая, метался по привокзальной площади как раненый зверь, готовый разорвать в клочья весь мир.

Он готов был заплатить какую угодно цену, лишь бы то, что случилось с ним за прошедшие дни, оказалось бы сном. Он не мог сидеть на одном месте. Его душили слёзы горечи, разочарования и … любви. Любви к той, которую он больше уже, в чём он был твёрдо уверен, никогда не увидит.

- Да, да, я не хочу ее видеть! Как она могла так поступить со мной?! Что плохого я ей сделал?- распалял он сам себя, монотонно прохаживая по привокзальной площади.

- Самое странное и страшное для меня сейчас то, что я безумно люблю её! Я всё равно люблю её! Софьюшка, ну почему ты не остановила меня? Неужели ты больше не любишь меня?!

Я не верю в это, не верю! Но если это так, то зачем же нужно было мучить и себя и меня, почти целых три года?

А может быть, всё это началось гораздо раньше, а я слепец, ничего не хотел видеть? Но я не верю в это!

Я знаю, мы же любили друг друга!

Горько на душе, как же горько мне сейчас!- Разговаривал Женька сам с собой, никого не замечая вокруг. Но перед ним снова и снова вставала картина того рокового дня.

Чувства ненависти и злости, страшной, мстительной злости, с огромной силой всколыхнулись в его душе горячей, безудержной лавиной.

- Нет! Всё! Хватит! Такое не прощается! Доигрались! Долюбились! Я этого ей до самой смерти не прощу!- Он ещё долго то накалял себя, то успокаивал, убеждая и сомневаясь в своей правоте и правильности совершённого поступка.

В вагоне, расположившись у окна, он снова тяжело вздохнул и уставился в одну точку через окно. Не

заметил, как поезд тронулся.

Только на следующей станции до его сознания дошло, что он уже в пути. Сколько времени проехали, он не помнил.

Помнил, что кто-то выходил на очередных станциях, а кто-то садился в вагон. Менялись соседи, менялись станции, но ему это было абсолютно безразлично.

И только когда начали проезжать по железнодорожному мосту через широкую реку, он впервые за много часов пути, спросил соседа по купе:

- Вы не знаете, как называется эта река? Она чем-то сильно похожа на Енисей, одну из самых могучих рек Сибири.

- Это Июс. Их два брата, один Белый Июс, а другой – Чёрный Июс. Сливаясь здесь в Орджинекидзенском районе, они образуют новую реку, Чулым.

А Чулым в Балахтинском районе, очень близко подходит к Енисею, но не судьба – соединяется с рекой Обь. Вот чем интересны здешние места. Здесь, знаете ли, сударь, преинтереснейшие исторические места, замечательные места, жаль только, что мало их исследуют историки!- с удовольствием ответил попутчик.

- А какая следующая станция?

- Копьёво!

И Женька, сам не понимая, зачем это делает, снял свой чемодан с багажной полки и направился к выходу.

Как только поезд остановился, он тут же сошёл на пассажирскую платформу.

Через несколько минут поезд ушёл, а Женька стоял в растерянности, не отдавая себе отчёта в поступке, толкнувшем его, казалось бы, на столь необдуманный и, наверное, нелепый шаг.

-9-

Брат замолчал, поднялся с валёжины, принесенной паводковыми водами реки, начал медленно подбрасывать в костёр нарубленные сухие дрова, о чем-то задумавшись.

Мне не терпелось поскорее узнать дальнейшую судьбу его товарища, и я специально затягивал образовавшуюся паузу своим молчанием, чтобы заставить брата таким образом продолжить свой рассказ.

Вокруг стояла приятная завораживающая загадочная тихая темнота. Звёзды на фоне чёрного неба, окруженного горами, казались настолько близкими, что невольно появлялась обманчивая мысль.

Протяни руку, и ты можешь потрогать, и даже погладить каждую из них руками. А рядом, у ног, как бы, разговаривая с кем-то в ночи, то повышая свой «голос» до очень громкого, то понижая его до шёпота, журчал по гладким камням своего, местами белого мраморного русла, неутомимый, вечно молодой и загадочный Июс.

Брат, окунувшись в темноту словно приведение, вышел на каменисто-гравийную косу ближе к перекату и стал пристально смотреть в черную даль, туда, откуда из-за скалистых сопок извиваясь, как огромный удав, брала своё начало легендарная река.

- Эх, Женька, Женька, седая твоя голова, Куда же ты запропастился?- не выдержав немого напряжения, с тяжёлым вздохом громко, как бы обращаясь к чёрной реке и тёмным скалам, воскликнул он.

- Шиииы …, шиииы …, шиииы …,- пронеслось в ответ над ночной тайгой.

От голоса брата и от звука ночного леса мне стало немного не по себе.

Мне показалось, что вся природа; и эта река, и эти горы, и этот лес, как бы заклинали его:
- Ищиии…, ищиии…, ищиии…!
Анатолий медленно снова подошёл к костру. Я подал ему кружку со свежим горячим чаем. Делая небольшие глотки с большими паузами, он продолжал.

-10-

- Ведь и познакомились-то мы с ним всего несколько лет назад в низовье Чёрного Июса. Я с семьёй отдыхал в тех местах у скалы. Помаленьку ловил хариуса. Жена собирала ягоды, а дочь то ловила в траве кузнечиков, то гонялась за красивыми пестрыми бабочками, то пыталась ловить руками возле берега, рыбных мальков.
Ко мне подошёл на вид лет сорока, с волнистыми чёрными волосами на голове, в которых хорошо было видно седую прядь, мужчина. На смуглом его лице играла весёлая улыбка.
Его карие глаза излучали тёплое расположение простой крестьянской души. Среднего роста. В резиновых сапогах.
Извиняясь и объясняя свой приход тем, что у его удочки сломался крючок, зацепившись за ветку, он попросил меня, если конечно можно, выручить его, так как запасного крючка не было с собой.
Разговорились.
Я пригласил его пообедать с нами. Он поведал мне очень много интересного про рыболовные моменты в верховье Чёрного Июса. Мы договорились о встрече, и о поездке в тайгу на горные перекаты этой реки.
С тех пор и завязалась у нас с ним хорошая дружба. В этих поездках Женька, постепенно, и рассказал мне, как он оказался в этих местах.

-11-

Бесцельно пробродив с полчаса по перрону, Женька, в свои двадцать шесть лет, махнул на все рукой и подошёл к первому встречному мужчине с вопросом:

- Есть ли в здешних местах какая-нибудь деревушка кроме этого посёлка, на берегу такой полноводной и прекрасной реки?

- Конечно, есть!- и мужчина назвал деревню, стоявшую прямо на берегу Черного Июса не далеко от станции.

Женька расспросил прохожего, как добраться до этой деревни и, поблагодарив за ответ, направился к дороге, ведущей в указанном ему направлении. На попутной машине он добрался до названного населённого пункта, поблагодарил водителя и направился к крайнему дому. На его стук в калитку, навстречу вышла довольно стройная и симпатичная женщина.

Широко поставленные открытые темно - карие красивые глаза и утонченные черты слегка смуглого лица безоговорочно доказывали, что она - метиска.

- Вам кого нужно?- спросила она красивым грудным голосом, чему-то улыбаясь.

- Извините меня, пожалуйста, но где бы мне хотя бы одну ночь переночевать? А то уже начинает смеркаться, а я не местный,- немного заикаясь, проговорил Женька.

- По тебе сразу видно, что ты не местный,- переходя на – «ты», сощурив в улыбке свои большие темные глаза,- проговорила женщина и пригласила непрошеного гостя в дом:

- Ну, что ж, заходи, место найдётся. Где семеро, там и восьмому место будет,- уступая гостю дорогу в калитке и провожая его от собаки, по прежнему мило

чему-то улыбаясь. Открыла дверь в дом.
Первое, что увидел Женька, войдя в избу, это действительно четверых детей, один меньше другого. Старшей девочке на вид было лет восемь – девять, а младшему мальчику – года два. От неожиданности Женька даже попятился снова к выходу, но хозяйка с насмешкой, полушутя, полусерьёзно, остановила его:
- Что, испугался? Не бойся, не обидим! В тесноте, да не в обиде! Ночуй!

Спал он этой ночью «как убитый», без сновидений и очень долго. Утром ему никто не мешал, потому что хозяйка с детьми была давно уже во дворе и занималась своими будничными делами.
Разве думал он тогда, что надолго свяжет свою судьбу с судьбой этой большой семьи. Конечно, же, нет, не думал. Но Богу было угодно, чтобы через полгода случилось именно так.
-Прожили они с этой замечательной, на удивление кроткой и ласковой женщиной ни разу не повысив друг на друга голоса, уже более десяти лет. – Продолжал брат в задумчивости свой рассказ.
- Она родила ему ещё дочку и сына.- Анатолий как бы с немым вопросом, глянул поверх костра в темноту, но кроме журчания воды и шума ночной тайги вокруг ничего не было слышно.

2006г.

ФОРМИДРОН.
Рассказ.

Борьба, объявленная по всей стране за трезвый образ жизни, очень серьёзно и ощутимо ударила по более сильному населению не только в городе, но и в селе. Была объявлена беспощадная война любителям спиртного и самогоноварения.

С полок продуктовых магазинов исчезли все горячительные напитки. Остались только минеральные и газированные воды в поллитровой посуде.

В магазинах, торгующих молочными продуктами, шла бойкая распродажа кефира, ряженки и свежего молока.

Для мужчин, любителей спиртных напитков, да и некоторых представительниц слабого пола наступил сухой период. В воздухе зависла угрожающая тишина, которая была готова прорваться для любителей горячительного в цунами.

Из промтоварных магазинов бурным нескончаемым потоком стали исчезать целыми коробками по десять, двадцать флаконов с тройным одеколоном, одеколонами «Сирень», «Красная Москва» и дешевыми духами.

Катастрофически быстро исчезли с прилавков магазинов все виды лосьонов, растворители масляных красителей и нитроэмалей, лаки для волос,

стеклоочистители.

С полок было скуплено всё, что горит. Завмаги и продавцы ликовали, потому что за один месяц торговли был выполнен полугодовой план по товарообороту.

После очередной попойки «тройником» в поисках спиртного в один из прохладных осенних дней Володька метался с больной головой и пересохшим горлом по всему городу, в котором гостил у родственников уже полмесяца, забыв про всё на свете. И про село, и про работу, и про свою семью.

- Да пропади они все пропадом!- Горячо ругался он, шагая по пыльной дороге улицы к родному брату, с которым они не расставались и «гудели» уже неделю.

- Ну, попадись мне этот чёртов законник, придумавший этот сухой закон! Я бы его на первом же попавшемся суку повесил за одно место! А ещё лучше, самого его «тройником» или «Ланой» напоил бы до посинения и привязал к дереву где-нибудь у реки на сутки, но воды бы … не давал! Пускай бы тогда он сам на собственной «шкуре» узнал, как действует его сухой закон!

Кое-как добравшись до дома, где жил брат, он почти ползком, поднялся на пятый этаж и, дрожащей рукой позвонил в квартиру.

За дверью внутри квартиры было тихо. Тогда Володька рукой толкнул дверь, которая оказалась не запертой. Он вошёл в прихожую и не разуваясь прошагал в зал.

В зале на диване, возле которого стояло ведро из-под продуктовых отходов, лежал и протяжно стонал Женька.

- Что, плохо?- Сочувствующе прохрипел Володька.

- Я сам еле дошёл до тебя! Все знакомые точки обошёл, но нигде нет ни самогона, ни спирта, ни водки. Что делать-то будем? Так и подохнуть не долго!
- Сам не знаю! Видишь, уже подыхаю! Подняться не могу! Ох, хоть бы сто граммов чего-нибудь из спиртного сейчас!- Простонал Женька.
- У меня червонец есть. Может, ещё куда-нибудь сходишь?- С перерывом предложил он брату.
- Да я уже находился! Аж ноги отнимаются! Давай уж как-нибудь вместе пойдём! Одевайся!- Снова прохрипел Володька и пошёл на кухню к крану с водой. Долго и жадно, с перерывами, кряхтя и охая, пил воду прямо из-под крана.

За это время Женька со стоном оделся.

Охая и проклиная всёх изобретателей сухого закона, они спустились с пятого этажа в подъезд дома, и вышли на улицу.

На улице стоял конец сентября. Составив план своих дальнейших действий, они двинулись по намеченному маршруту.

Обойдя почти все магазины города, где предполагали купить хоть что-нибудь из спиртного, уставшие от долгой ходьбы, трясущиеся с похмелья, они остановились в центре города, не зная, что же дальше делать? Как похмелиться?

Вдруг Володька радостно воскликнул:
- Женя, мы же с тобой ещё в одном месте не были! Там-то наверняка есть спиртное!
- Где это мы ещё с тобой не были?! И так весь город облазили!- сердито проворчал Женька.
- Нет уж, с меня хватит! Находился, аж ноги горят! Пойду– ка я лучше домой, да на диване буду похмеляться. Мне кажется, что я уже достаточно

хорошо похмелился. Километров десять отмахали, и так весь от пота мокрый!- Всё ещё сердито продолжал он возмущаться, и было шагнул по направлению к дому.

- Да постой ты! Слушай! Ведь мы же ещё в аптеке с тобой не были!- Быстро выпалил Володька.

- Ну и что? Там-то мы с тобой что позабыли?

- Как это что?! Да там же все лекарства на спирту делаются! Дурья твоя голова, соображаешь?!

- Чёрт подери, а ведь и точно! Быстрей прём туда!

И они, позабыв про усталость, почти бегом направились в аптеку.

Зайдя в здание аптеки, запыхавшиеся, быстро подошли к витрине, где стояли и лежали наполненные разной разноцветной жидкостью бутылочки разного калибра.

Побегав глазами по названиям и ценам на бутылочках, они нашли самые прозрачные на цвет.

- Вот, смотри, «Формидрон» - сто миллилитров. Значит – сто граммов!- тихо прошептал, затаив дыхание, Женька.

- Вот только состав содержимого бутылочки очень мелко написан!- Продолжал он читать дальше через стекло витрины.

- Спирт этиловый – девяносто шесть процентов. Этот самый, формидрон – два процента. Добавки какие-то – один процент. Ну и, прищурив веки до такой степени, что они почти закрыли глаза, ещё какие-то там компоненты, уж очень мелко написано, не разберусь. Тоже - один процент. С трудом закончил он тихо читать.

- Да, чёрт с ними, с этими добавками! Главное – спирта, девяносто шести процентного, много! Бери скорей! Цена-то всего - тридцать копеек за одну

бутылочку! Дешевле и не придумаешь! По сто граммов в бутылочке! Ты представляешь, сколько это водки-то будет!? Бери скорей!- Быстро пропыхтел прямо в лицо брату Володька.
- Что, на всю десятку брать, что ли?
- Ну, конечно, на всю! Больше всё равно из спиртного ничего нигде не найдём! Похмелимся хоть путём!- подбадривал брата Володька.
Набрав на всю десятку бутылочек, под загадочно недоумённый взгляд аптечного продавца они, счастливые и довольные, вышли из аптеки.
- Куда пойдем то?- Спросил Женька.
- Да куда, куда!? К речке давай! Там хоть будет чем разбавить!- буркнул Володька.
С разбухшими от бутылочек карманами, радуясь, что, наконец-то похмелятся, они, повеселев, направились к речке.
По дороге к речке Женька вдруг озабоченно спросил:
- Слушай, братуха, что-то мне не нравится этот спирт? Да и, кажется, что я уже где-то видел или слышал, где применяется это лекарство. Не то в зоотехнии, не то в ветеринарии. Ну, в общем, где-то в животноводстве. Сдается мне, этим раствором не то коровам, не то овцам копыта промывают при ранениях.
- Ну да! Ты тоже сказанул! Какие копыта? Какие раны? Да какой специалист тебе спиртом копыта овцам мыть будет? Я сам ветеринар, но подобного ещё не слышал и не видел. Придумал тоже! Копыта спиртом промывать!
Да какая тебе разница! Этиловый он или не этиловый! Главное что он горит! Это же девяностошестипроцентный спирт, понял?! Пошли, не бойся! Я первым его пить буду!
- Да я и не боюсь!- начал сдаваться Женька. Вот

только сомнения меня берут. Вдруг отравимся!
- Это этим-то чистейшим спиртом отравимся?! Да брось ты! Ещё чего выдумал! Да я не такое пил! И ничего, вот он, живехонек, перед тобой стою!- от души расхохотался Володька.
По дороге они заскочили в хозяйственный магазин и купили за семь копеек стеклянный стакан.
Подойдя к речке, выбрали чистую полянку, выложили как «лимонки», на засохшую траву свои бутылочки. Получилась довольно солидная кучка. Чтобы не обижать друг - друга, они разделили ее на две равные части.
- Да этого, показывая на свою кучку бутылочек, нам теперь на весь день хватит!- радостно воскликнул Володька и направился вдоль берега искать какую-нибудь посудину, чтобы набрать в неё воды для разведения в стакане содержимого бутылочек.
Наконец он нашёл консервную баночку из-под кильки, тщательно промыл её в речке, почерпнул воды и подошёл к бутылочкам. Распечатав одну из них, он вылил содержимое в стакан.
- Я не буду разводить, выпью так! Чтобы сразу дошло!- пояснил он полулежавшему на траве Женьке.
Залпом выпил содержимое стакана и, … не говоря ни слова, быстро протянул пустой стакан брату.
А сам скачками, как молодой сайгак, бросился к речке и как рыба, захватывая ртом воздух, вперемешку с водой, которую он черпал из речки, судорожно и быстро глотал.
Женька, видя эту картину, ничего не понимая, спросил брата:
- Ну, как, пить можно?
Володька махнул в его сторону рукой.
Женька быстро вылил содержимое своей

распечатанной бутылочки в переданный братом стакан и тоже, не разводя водой, выпил всё залпом. Но, тут же, подпрыгивая, тоже бегом бросился к речке.

Захватывая, как большим ковшом обеими руками воду из речки, он, вздрагивая всем телом, начал судорожно и жадно пить.

Стоя на коленях друг возле друга на берегу реки, склонив головы до самой воды, они несколько минут жадно, черпая ладонями, пили воду.

В желудке у Володьки, будто кто паяльную лампу туда поставил, всё горело. Страшным огнём жгло во рту. Ему казалось, что в него вселился трехглавый Змей Горыныч и дышит вместо него огненным смерчем.

С перепуга Володьке показалось, что у него выгорел живот, и вместо живота на теле была дырка, потому что Володька почти не ощущал нижнюю половину своего тела.

Он со страхом посмотрел на свой живот и, убедившись, что тот на месте, подозрительно начал ощупывать свою потерю со всех сторон.

Через несколько секунд в животе что-то заурчало, зашипело и начало свистеть. Подпрыгивая, Володька бегом бросился к ближайшим кустам уже засохшей крапивы, на ходу расстёгивая ремень и снимая штаны.

Не успел он еще как следует присесть на корточки, как сзади вылетел сильный жидкий пенистый фонтан на расстояние, примерно, полутора метров.

Володька судорожно и протяжно заверещал, а сзади продолжало грозно свистеть и шипеть.

Через некоторое время эту процедуру повторил и Женька.

Им казалось, что внутри у них внезапно проснулись

горячие вулканы. Казалось, что изо рта вылетает сильный столб огня, а сзади прорывается, усиливаясь, жидкая, горячая лава, готовая уничтожить в каждую секунду не только их самих, но и всю поляну в округе. Так, на четвереньках, со спущенными штанами, обгоняя друг друга, они несколько минут ползали то к воде, пытаясь хоть немного сбить бушующее пламя во рту, то снова в крапиву, чтобы дать волю не на шутку разбушевавшейся горячей стихии.

Потом, словно по команде, не одевая штанов, не поднимаясь с колен, медленно отползли от воды и оба упали на сухую траву, вздрагивая всем телом от только что пережитых стихийных страхов.

Каждый уставился красными «бычьими» глазами на свою кучку бутылочек. Из глаз у обеих текли слёзы.

- Ты, заараазаа! Ты почему мне ничего не сказал?! Скотина ты безрогая!- прошипел на Володьку двадцатилетний Женька.

- У меня все кишки из живота по вылетали!- продолжал он.

- Как это ничего не сказал?! Да я же махнул тебе рукой! Дескать, стой, не пей! Так тебя «жаба» задавила, не дождался! Выпить скорей захотелось!- Огрызнулся Володька, которому всего-то недавно исполнилось двадцать четыре года, вытирая рукавом обильные слёзы.

- Ну, надо было хоть по-другому как-нибудь предупредить!- простонал Женька.

- Что и как по другому я мог тебе сказать, когда мне самому показалось, что я весь горю!- прошипел со стоном брат.

- Неее…ет! С меня хватит! Забирай все эти бутылочки себе и делай с ними что хочешь! А я уже похмелился!- И Женька, сверкая голым задом, стоя на четвереньках,

сгреб свои бутылочки и пододвинул их к Володькиной кучке.

- Ну, уж нет, братуха!- Подставляя солнцу свои голые ягодицы, заявил, протестуя, Володька.

- Деньги-то твои, ты и забирай весь этот товар себе!- пододвигая вдвое выросшую кучку горячительного напитка ближе к Женьке, категорически отказался Володька.

- По-моему, я тоже уже хорошо похмелился!- растягивая слова, закончил он.

И оба, лежа возле кучки бутылочек, к которым разом потеряли всякий интерес, долго и смачно выдавали должное и правительству, и особенно аптекарше, ничего не сказавшей им уже про ненавистные бутылочки.

- Ну что, так и будем здесь торчать, пока нас кто-нибудь не увидел?- дрожа не то от холода, не то от свершившейся только что похмелки, снимая штаны, обгаженные «горячительной лавой», трясущимися руками, зло спросил брата Володька.

Стоя в воде по пояс, пряча голое тело от любопытных глаз, они нагишом еще почти десять минут пытались избавиться от «вулканической породы», выполаскивая и отжимая бельё.

- Всё, я домой!- быстро надевая мокрую одежду на дрожащее тело, простучал зубами Володька.

- Я тоже! Дома хоть горячим чайком отогреюсь!- досадно проворчал Женька.

- Уж лучше на диване отлежаться!- добавил он.

- А с этим – то что будем делать?- показывая на бутылочки, спросил Володька.

- Да пусть здесь останутся! Может быть, ещё кто-нибудь похмелится!

И они, медленно направляясь каждый в свою сторону,

разошлись по своим домам.

2003г.

МОЗАИЧНИКИ.
рассказ

Мать очень сильно болела, и последнее время редко

выходила из своей душной квартиры на улицу. Но в эту субботу она все же решилась выйти на свежий весенний воздух хотя бы к подъезду. Ей хотелось немного поболтать с соседками.

Спустившись с третьего этажа и выйдя из подъезда, она обратила внимание на странные листочки, приклеенные снаружи на дверях подъезда.

Как всегда, любопытство старого человека взяло верх над первоначальным желанием, и она решила посмотреть, что же это за странное такое объявление висит на дверях.

Подошла поближе, нацепила на нос плюс три дополнительные «глаза» и очень внимательно прочла:

«Научно-производственное предприятие «Компакт Сервис» предлагает работу на дому. Все желающие получить консультацию по этому вопросу приглашаются в РДК такого-то числа, и в такое-то время».-

- Это значит, что сегодня,- подумала старушка, и в её голове промелькнула светлая мысль.

- Господи! Есть же ты на свете! Дай жизни тебе в вечности! Ведь два моих средних сына сидят без работы почти год.

Может, им что-то подойдёт! Работать-то, оказывается, и дома можно! Какое счастье-то подвалило! Дай Бог здоровья этим людям в их «перестройке»!

И забыв про все свои болезни, про величайшее первоначальное желание, опираясь на деревянный бодажок, она, шаркая подошвами по асфальтовой дорожке, быстро пошагала, взяв курс по направлению к третьему сыну. Но того дома не оказалось.

Сделав хороший крюк почти в полтора километра, немного отдохнув от усталости на лавочке возле дома своего сына, она отправилась ко второму

«кормильцу». А это почти ещё полтора километра.
Сын топил баню.
Мать с радостным лицом, вытирая носовым платочком с лица мелкий пот, тяжело дыша от одышки, перескакивая с пятого на десятое, как могла, пыталась объяснить ничего не понимающему сыну важность какого то дела.
Устав от объяснений, роясь в своей дамской сумочке и найдя это самое важное, сунула ему в руки талон – объявление.
Сын прочитал обрывок бумажки несколько раз, повертел его в руках и недоверчиво с недоумением пожал плечами.
-Мама, что-то с трудом верится во всё это! Но сходить, конечно, обязательно нужно.
Мать, довольная тем, что сделала очень хорошее и очень важное дело, устало пошагала домой, вспомнив, что у подъезда ее ждут подружки.
Сын зашёл в дом и посмотрел на часы. На часах было без двадцати минут пятнадцать.
- Давай быстрее помоемся да к шестнадцати ноль-ноль нужно быть в РДК. Потом, по дороге, всё объясню,- с приподнятым настроением попросил он жену, а сам быстро пошёл в баню.
Наспех помывшись, даже не попарившись, без чего баня не баня, он вернулся в дом. Пока мылась жена, оделся.
Сборы жены ему показались вечностью. Не обсохнув после бани, они направились по месту объявления. По дороге, муж обстоятельно, на сколько сам понял, разъяснил жене суть такой внезапной суеты по данному объявлению.
- Ну, разве плохо сидеть дома и зарабатывать деньги?!- Убеждал он не столько жену, сколько себя.

-Может, и мне какая работа подвернётся,- начиная что-то по-своему соображать, радостно поддержала жена.

- Глядишь, и из нищеты вылезем!- продолжал, почувствовав поддержку, муж.

Боясь опоздать, они почти бежали, строя по дороге свои дальнейшие жизненные планы. За короткий период от дома до РДК они успели построить свой новый дом, купили легковой автомобиль не российского производства.

Завели новую обстановку и конечно же развели домашнюю ферму, казалось, несбыточную их мечту.

Даже немного поспорили, кто и в какие меха оденется, и кому первому сделают такие дорогие покупки. При этом каждый уступал своё первенство.

У крыльца Дома Культуры оба разом замолчали. Муж спросил у дежурного, где собираются люди по такому-то объявлению.

-На верху!- коротко ответил дежурный и показал указательным пальцем в потолок, продолжая с кем-то разговаривать по телефону.

Супруги, слегка волнуясь, поднялись на второй этаж и вошли в малый зал. Там уже шла предварительная беседа с присутствующими. Поискав глазами свободные места в зале, муж с женой, пробираясь на «цыпочках» между рядами, сели и стали внимательно слушать оратора.

Молодой человек лет двадцати восьми, уверенно и не спеша, объяснял технологию изготовления керамической облицовочной плитки в домашних условиях.

Технология была настолько проста и заманчива, что у мужа дух захватило и слегка закружилась голова.

Такое состояние души, наверное, в этот момент, было

у многих сидевших в зале.
Слушая «консультативный курс», несколько молодых людей молча поднялись и покинули зал.
Некоторые из слушателей осуждающе смотрел им вслед.
-Да, этим бы работу какую-нибудь полегче нужно предложить! Совсем работать не хотят!- Осуждающе подумал супруг.
Представитель фирмы показал присутствующим в зале фотографии готовой разновидности плиточной продукции.
На глазах у всех в течение двадцати минут он изготовил сам и показал присутствующим ещё не высохшую плитку с прекрасным орнаментом восточного стиля.
Зрелище было захватывающим. Всё так легко и просто. Он объяснил, что, примерно, в течение восьми часов, без особых усилий можно, буквально, озолотиться, имея под рукой всего лишь одну формочку, стоимостью в пятьдесят рублей.
И что для продолжения трудовой деятельности необходимо приобрести сертификат на использование изобретения стоимостью в сто сорок рублей.
Он так же доходчиво объяснил, что запись на приобретение документов будет производиться в понедельник в десять часов утра в этом же помещении.
Готовую продукцию фирма гарантированно принимает на реализацию и полностью снимает с изготовителей эту проблему.
Заработанные деньги фирмой будут перечисляться на специальный счёт каждого работающего.
Для изготовителей плитки, купивших формочки и сертификат сейчас, по указанному адресу будет

предоставлено по одному мешку гипса весом в пятьдесят килограммов, в счёт заработной платы, на развитие своего дела.

- А пока до понедельника!- и представитель бодро распрощался со слушателями.

Все стали расходиться, бурно обсуждая услышанное и увиденное. Супруги твёрдо решили заняться таким прибыльным и, практически без затрат, делом.

Они направились к брату, которого ранее не застала дома мать. Решив взять брата компаньоном, по дороге они бурно обсуждали и малые расходы, и большие доходы.

Пересказав младшему брату всё, что слышал и видел в зале РДК, старший убедил его открыть совместное производство по изготовлению плитки. Мастерскую решили открывать у старшего брата из-за удобства площади и по ряду других причин. Тут же заключили устное соглашение – в бригаду к себе больше никого не брать.

Много раз, иногда подключая своих жен к этой работе, они пересчитывали и всё просчитывали.

Получалось так, что уже через месяц-другой им можно будет открывать своё предприятие, где даже и детям, и женам находится работа.

И выходило, что через полгода придется, наверняка придется, расширять своё дело. А это означало одно - кадровое увеличение.

От таких приятных мыслей оба «взлетели» так высоко, что с трудом и с большим нежеланием они «вернулись» на землю только к вечеру.

- Эээх! А мы ещё «хаем» нынешнее правительство! Вот тебе и проявление заботы о человеке! Да ещё прямо на дому!

Могло ли такое Советской власти присниться?!-

Восхищались оба брата.

- Ну уж тут-то мы развернёмся! Ох уж развернёмся! Главное – конкурентов «задавить»! Всё дело в качестве! А остальное…! Да мы сутками «пахать» будем!

На первое место выйдем! Ещё все хозяйственные магазины города своей плиткой завалим!- горячо рассуждал младший брат, не на шутку заразившись таким поворотом мгновенных перемен в его однообразной, безработной жизни.

-Подумать только! Никаких серьёзных затрат! Только вода и… гипс!

Такое выгодное дело получается! Тут «зевать» никак нельзя! Всё! Решили!- вынес окончательное решение старший брат.

Помечтав ещё около часа о своем будущем хозяйстве, они в приподнятом настроении разошлись по домам до понедельника.

В понедельник в назначенное время братья были уже в зале РДК. Собралась солидная толпа, человек, наверное, в полста.

-Слушай, нам нужно первыми очередь занять, а то он всего тридцать человек набирает. Можем пролететь,- показывая на молодого человека, сидевшего за столом, прошептал младший.

Они потихоньку продвинулись поближе к представителю фирмы и встали в очередь почти первыми.

Ранее возникавшие у братьев подозрения на счет доставки гипса исчезли, потому что радом с ними стоял участковый милиционер и проверял у представителя его документы. Толпа тихо и настороженно ждала.

-С документами у вас всё в порядке!- Наконец,

закончив проверку, объявил участковый.
Все облегчённо вздохнули и наперебой начали устанавливать очередь за сертификатами и формочками под плитку.
Выписав свидетельство, представитель фирмы спросил братьев, сколько формочек они будут брать, так как их у него пять видов.
И тут только братья хватились, что ни на формочки, ни на сертификаты денег у них нет. Вежливо извинившись, братья объяснили, что у них произошла маленькая заминочка, но решат они её в двадцать минут. Сильно озабоченные, они оба вышли из зала.
-Я побегу к матери, попрошу у неё денег, а ты «дуй» к жене на работу.- скомандовал младшему старший брат.
Через двадцать минут, оба запыхавшиеся, они стояли перед представителем фирмы. В их распоряжении оказалась солидная по тем временам сумма денег.
Заплатили за выписанное на старшего брата свидетельство фирмы Н-Новгорода, внушающее «тёплое» доверие, за пять видов формочек - триста девяносто рублей.
-Ничего, мы эти затраты быстро оправдаем!- утешал старший.
-Главное – успели!- успокоил себя и брата, младший.
Свидетельства и формочки у представителя фирмы таяли буквально на глазах.
Наконец, он закрыл свой дипломат и почти торжественно объявил:
-Гипс, в долг, мы развезём вам по указанным вами же адресам, с четырнадцати до двадцати часов в среду! Ждите!
И зал опустел.
Гипс ни в среду, ни в четверг, ни этой недели, ни в

последующие недели, никто не привёз.
-Что же теперь без гипса с этими формочками делать-то мы будем?- подавлено спрашивали друг - друга братья все это время, стыдливо пряча глаза от родных и близких.
Но однажды встретили таких же горе – мозаичников. Вместе от души вдоволь посмеялись. Пожелали друг другу больших успехов в своём «прибыльном» деле. Махнув на всё рукой, компаньоны, пожав друг другу руки, успокоились. В милицию обращаться не стали. Да и зачем?!

1998г.

ПОРЫБАЧИЛ.

Рассказ.

С детства заядлый рыбак, дед Тимофей, как всегда, поднялся рано утром и, нервничая, начал ходить по комнате, не находя себе места.
-Да, чего ты всё мечешься?!- Хриплым сонливым голосом недовольно проворчала бабка с постели, переворачиваясь на другой бок.
-Поезжай уж от греха подальше! Рыбачь! Не то селезёнка лопнет!
Как же! Один день без рыбалки дома пробыть! Всю рыбу там без него выловят! Совсем на старости лет

«очумел»!- Продолжала она ворчать на деда сонливым голосом.

-Да я на часок! И, обратно!- Извиняющимся, заискивающим голосом, довольный, скороговоркой залопотал дед.

-Я мигом! Пару сетей поставлю - и домой! Может, хоть на уху поймаю!-

-Больно сильно ты ешь эту уху! Вон, весь холодильник рыбой забил! Да ещё вон, на балконе сушёная рыба висит! Уж девать-то твою рыбу некуда!-

-А я, если поймаю, то продам её! Всё копейка в доме не лишняя!

Да поезжай, поезжай уж! Черт старый! Что толку-то тебя отговаривать?! Только спать не даёшь! Всё равно ведь удерёшь!- Отмахнулась от деда бабка, «сладко» зевнув.

Довольный, что на этот раз всё обошлось тихо и мирно, дед быстро собрал не хитрый обед. Достал из стакана с водой вставные зубы, сунул их себе в рот и тихо вышел из квартиры.

Изрядно повозившись, с трудом завёл свой старенький «Запорожец». Пока прогревался двигатель, собрал свои рыболовные снасти и уложил их в машину.

В хорошем, приподнятом настроении лихо подрулил к своему любимому месту рыбалки на озере. Заглушил мотор.

Насосом накачал резиновую лодку. Перебрал сети и уложил их на носу лодки. Всё это он делал машинально, по выработанной с годами привычке, радуясь ранней утренней прохладе с легким свежим ветерком. Глядя на восходящее солнце, улыбаясь, вслух отметил:

-Эээх! Какой день-то хороший будет!- И с любовью

посмотрел на зеркальную гладь озера.
Переобувшись в рыбацкие резиновые сапоги, он оттолкнул от берега лодку и запрыгнул в неё сам. Загребая веслами воду, неторопливо стал ставить рядом с камышом свои сети.
-Может, щучка попадётся! – Подумал он про себя.
Управившись с сетями, развернул лодку и поплыл обратно к берегу.
Вытащил лодку на берег, чтоб не унесло волной. Полюбовался на поплавки от сетей, на бирюзовую гладь озера, на камыши.
Не спеша, устроил себе на заднем сидении своего «броневичка», так ласково он называл Запорожец, лежанку.
-Теперь и подремать не грех!- Решил он и быстро заснул.
-Ого! Почти три часа проспал!- Проснувшись, глядя на часы, отметил он про себя.
-Пора снимать!
До хруста в своих старых костях, с удовольствием потянулся, сел в лодку и поплыл к сетям.
Сети снесло в камыши не далеко от берега. Потянув на себя первую сеть, дед почувствовал, что она не поддаётся. Потянул сильнее. Сеть только амортизировала и не поддавалась.
-Наверное, щука большая попалась, вот и запуталась вместе с сетью в камышах. Ничего, достааа…нем, «родимую»!
От меня не уйдёт! Ушица-то добрая будет!- И, навалившись на борт лодки, он сильнее потянул сеть на себя.
От сильного и резкого толчка лодка подскочила на воде и, перевернувшись, накрыла собой деда и все его рыбацкие «премудрости».

Не сообразив сразу, что же с ним произошло, дед барахтался под лодкой в темноте. Сам, хватая ртом, как щука, одновременно с воздухом, мутную, с тиной, воду. Ломая при этом камыши.

Наконец, ему удалось сбросить с себя лодку, накрывшую его, словно огромная мексиканская шляпа.

Вплавь, если это можно было назвать плаванием, а, скорее всего, новым видом водной акробатики, хватаясь за камыши, дед добрался до лодки.

Держась за лодку, в мокрой одежде и в резиновых сапогах, кувыркаясь, он с трудом поплыл к берегу. Почувствовав ногами под собой зыбкую илистую почву, дед с облегчением встал на ноги.

Изрядно нахлебавшись грязной воды, кашляя, дед с досадой выплюнул изо рта воду. Но от резкого удара воздухом из лёгких, вместе с водой изо рта вылетели и упали в камыши его вставные зубы.

Нечленораздельно шамкая беззубым ртом что-то себе под нос, дед начал быстро ловить руками, тонущие в воде протезы, окунаясь с головой в воду.

Накурявшись в воде вдоволь, и поняв, что это бессмысленная затея, дед с досады махнул рукой.

Держа лодку за верёвку, побрёл к берегу.

Не снимая одежды, он кое-как отжался, вылил из сапог воду, снова обулся и поплыл снимать запутавшиеся в камышах сети.

-Господи! Да что же это ты весь мокрый-то?!- Испуганно, сжав руки у себя на груди, встретила деда дома бабка.

-Что, что! Лодка перевернулась! Вот что!

-Так ведь утонуть бы мог!?

_ Да нет! Там мелко было! Вот, даже фуражку не намочил!- Улыбаясь бабке беззубым ртом, оголил он

свою седую лысину перед ней.
А зубы-то твои, где?!- Заглядывая деду в рот, в растерянности спросила бабка.
-В воде!- Невозмутимо ответил дед.
-Как в воде?
-Да так, в воде и всё! Я их выплюнул! Они мне мешали щук ловить! Вот я их и выплюнул!
Растерявшаяся бабка, ничего не понимая, снова спросила:
-Да как же ты теперь без зубов есть и ходить будешь?
-Как, как! Не буду я без зубов ходить,- снимая с себя мокрую одежду, успокоил её дед.
-У меня еще пара зубов в запасе есть,- и он, подойдя к посудному шкафу, вынул из стакана запасные зубные протезы.
-Вот, гляди!- Даже с какой-то гордостью, невозмутимо глядя на бабку, дед вставил их в свой беззубый рот.
2006 г.

БАНЯ С ПЕРЦЕМ.
Рассказ.

Как всегда в субботу, тетка Дарья своим властным голосом заставила мужа истопить баньку.
-Смотри у меня! Чтоб с хорошим парком была! Да со свежим веничком!- Напутствовала она его в след.
Дядя Саша, кряхтя и бурча что-то себе под нос, вёдрами наносил в котёл под кипяток холодной воды. Так же тихо разговаривая сам с собой, наносил полную десяти ведерную деревянную бочку холодной воды.
Немного повеселев, затопил баню. Завернул «козью ножку» из выращенного в своём огороде отменного табака, с удовольствием закурил, пристроившись на чурке в ограде в тени от солнца.

Ближе к вечеру к средней семнадцатилетней дочери пришли две подружки. Дочь уговорила девочек помыться вместе с ней в бане, которая будет готова с минуты на минуту.

Не прошло и десяти минут, как в гости к ним пришёл двадцатилетний племянник Генка.

Он не заметно от тётки, загадочно подмигнул дядьке. Поговорили о всякой всячине и спустя несколько минут, племянник с дядей ушли в предбанник. Тетя пошла в огород по своим делам, наказав мужу не забывать про баню.

За бутылкой «красненькой» племянник с дядей перемывали «кости» наступившим тяжёлым временам.

Прямо перед ними лежали на подоконнике, дозревающие на солнце, красные стручки горького перца. Дядьке захотелось закурить, и он пошёл в дом за кисетом с «самосадом». Узнав, что первыми в баню пойдут мыться девчата, у племянника зародилась озорная мысль.

Он схватил несколько стручков перца с подоконника и быстро заскочил в уже почти готовую к помывке баню.

Поболтал ими в котле с горячей водой и, уже хорошо распаренными стручками, потёр по чистому полку и лавочкам, на которых сидят во время помывки. Через двадцать секунд он уже сидел на своём месте, как ни в чём не бывало в ожидании дядьки.

Поговорив с ним минут десять, сославшись на внезапно возникшие неотложные дела, Генка быстро распрощался с дядей Сашей и ушёл.

Примерно через полчаса, осмотрев баню, тетушка первыми отправила мыться дочь с подружками, которые уж очень куда-то спешили.

-Идите, мойтесь, да разомните свои молодые косточки свежим веничком с хорошим парком.- Напутствовала она девчат.
-Банька на славу сегодня удалась! Отец постарался!- Ласково приговаривала она им в след, любуясь их красивыми под халатиками телами, и вспоминая свою молодость.
Довольные, с веселыми шутками, девчата пошли мыться, прихватив с собой большие банные полотенца.
Быстро разделись в предбаннике и веселой ватагой «ввалились» в жарко натопленную, пахнущую свежими берёзовыми вениками, баню. Немного «разомлев» на пору, набрали в тазики воды нужной температуры для помывки и дружно забрались на полок.
Болтая о своих девичьих делах, побрызгали друг на друга водой и со смехом начали мыться.
Быстро распарившись, они, ничего не понимая, по очереди, в недоумении, стали «ёрзать» по полку и спускаться на лавки.
-Ой, девочки! У меня что-то сильно жжёт между ног! Наверное, от жары?!- Озабоченно воскликнула одна из подружек.
-И у меня тоже!- Перебирая ногами, подтвердила другая подружка.
-Наверное, это от мыла!- С тревогой, нерешительно добавила хозяйка бани, расчесывая ладонями рук у себя между ног.
Все трое, сидя на лавках, начали усердно и быстро смывать свои намыленные тела водой из своих тазиков. Но от этого жжение только усилилось. Не выдержав сильных ожогов, с визгом и стонами, держа руки между ног, они повыскакивали из бани в

предбанник.
-Мама, мама! Иди-ка сюда!- Начала звать мать в баню в приоткрытую дверь предбанника дочь.
Тётка Дарья, услышав тревожный голос дочери из бани, бросила не дополотую грядку и, почти бегом заспешила на голос дочери.
-Что случилось?!- Глядя на прыгающих и стонущих девчонок с зажатыми между ног руками, тревожно спросила ничего не понимающая тетка.
-Мама, между ног всё горит! Почему? Ничего не понимаю! Как огнём всё обжигает!- Простонала дочь.
-Может вы кипятком ошпарились?! Я же вам говорила, чтоб после отца шли! Так вам же скорей надо!- Тревожно заворчала тетка. Сама быстро вошла в баню и подозрительно всю её оглядела. Пальцем проверила горячую воду и даже попробовала её «на язык». Озадаченно пожала плечами.
-Не пойму! Вода что ли как будто немного горчит?! Холодная вода – нормальная!- Протяжно и задумчиво проговорила она и пошла к мужу.
-Ты что с баней сделал! Девчонки все обожглись! И, чёй-то, у тебя глазки-то блестят?
Опять выпил!? Ведь ты же из дома никуда не выходил!? Опять племянничек «втихую» угостил?- Скороговоркой отчитывала она мужа, не давая ему даже рта раскрыть.
-Да не пил я! И с баней ничего не делал! Топил как всегда! А что там их жжёт!? Вот уж этого я не знаю! Больно разнежили! Уж и баней не угодил! Разбаловали вы их! Вот и всё тут!- Не на шутку разгорячился дядька.
-Баня их жжет Черти их жгут, а не баня!- Продолжал он ворчать.
-Девчонки! Ну, уж вы как-нибудь там домывайтесь!-

Прокричала, поубавив гонору, в полуоткрытую дверь дома тетка.

Ополоснувшись холодной водой, почёсывая между ног, кое-как одевшись, притихшие девчонки убежали в дом.

Переодевшись, в недоумении, они ушли по своим делам.

-Иди сам теперь мойся! Вот и узнаешь, что там жжёт!- Проворчала тётка, отправляя мужа в баню.

Раздосадованный, взяв собранное ему женой бельё, дядька пошёл мыться. Зайдя в предбанник, нервничая, разделся и «влетел» в мойку. Огляделся вокруг.

С удовольствием вдохнул в себя тёплый ароматный воздух и, махнув досадно рукой, налил в тазик воды, стоя начал мыться.

Смачивая голову, почувствовал, что на лице вода, как - будто бы, слегка «прижигает».

Но, не обращая на это никакого внимания, стал тщательно намыливать голову мылом. Помывшись, психанул:

-Что их тут жжёт?! Кто их тут жжёт?! Баня как баня!

Поддав парку, залез на полок. Покряхтывая, с удовольствием начал париться. Не придавая значения лёгкому пощипыванию между ног, прямо с полка поддал ещё жару. Задрав ноги под потолок, продолжал смаковать удовольствие. Тело жаром прошибало до «костей».

Тут то его и «долбануло». Он вдруг подскочил на полке, будто его оса ужалила.

Волчком, поочередно почёсывая руками между ног, чертыхаясь, он слетел с полка и «пулей» вылетел в предбанник.

-Бес тебе в ребро! Да что же это сегодня с баней случилось?!- И он громко смачно выругался.

-Все ноги и … это место будто кто крапивой исхлестал!- Изогнувшись, он даже попытался хорошенько рассмотреть это самое место, но у него ничего не получилось.

Выпрямившись перед окном, дядька, не мигая, уставился на красные стручки перца, мирно лежащие на подоконнике.

Приоткрыв дверь на улицу, он как «резаный» вдруг громко закричал:

-Дарья! Дарья! Иди-ка сюда!

- О, Боже ж ты мой! Да что же это сегодня с ними происходит? Все кричат, как угорелые!- Испуганно запричитала тётка, быстро семеня ногами из огорода к бане.

Дядька, с «выпученными» глазами, закричал на жену, не дожидаясь её появления в бане.

-Это ты в бане на «полке» перец сушила?!

Не сориентировавшись в обстановке, ничего не понимая, как ни в чём не бывало, издевательским голосом тётка спросила его:

-Что? И тебя жжёт?!

- Жжёт! Жжёт! Черт вас всех подери! Тебе бы так! Сядь голым местом в куст крапивы, тогда узнаешь, жжёт или нет!

-Да я то тут причём? Ты же баню топил!

-Да, я топил! А кто полок и лавки мыл? Кто в баню со своим перцем залез?! Я, что ли? Всё я, да я! Нашла место для перца!

-Я подумала, что раз ты топишь баню, то заодно и помоешь всё там! А перец я туда не клала! Вот он, на окне лежит, твой перец!

-А как тогда он в баню попал? Иди-ка вот, сама помойся!

- Да ну вас всех с такой баней! … И, махнув досадно

рукой, тётка медленно поплелась в дом.
- Не буду я в ней сегодня мыться!- Добавила она уже с крыльца.
-И мне такая баня, по новому рецепту, с перцем, не нужна!- Категорически заявила старшая дочь, слушая на ступеньках перебранку родителей.
Сплюнув досадно под порог, дядька затрусил в баню. Ополоснувшись холодной водой, охая и вспоминая всю нечистую силу, дрожащими руками почесывая между ног, он быстро одел трусы и, извиваясь от нестерпимой боли, побежал в дом.
Лежа на диване, оттягивая за резинку трусы, он проветривал приятным холодком место, где так сильно жгло.
Непрерывно вытирая обильно выступающий пот не то от жаркой бани, не то от перцовой ванны, дядька, со стоном приговаривал:
-Вот это баня так уж баня! Всем баням баня! Ни разу я ещё в такой бане не мылся! Может к соседу сходить да позвать его! Пусть помоется!

2000г.

ШУРОЧКА.
Рассказ.

-1-

Как ни странно, но Петька всегда с лёгкостью и даже с какой-то особой радостью, а, в глубине души с особым наслаждением покидал любую деревню.

Как правило, при выходе, а если повезёт, то и при выезде из неё, он глубоко и облегчённо вздыхал, окинув на прощание задорным и весёлым взглядом пыльные и кривые улицы, с копошащимися на них домашней птицей и вечно дерущимися между собой воробьями.

- Слава Богу! Наконец - то я избавился от деревенского начальства. Наскучили они мне все за этот короткий период работы в совхозе.

Уйду от сельчан и от этой, лежащей ярмом на шее, семейной жизни,- размышлял он, бодро шагая с почти пустым рюкзаком за плечами по пыльной просёлочной дороге.

- В райцентре к матери я заходить не стану. Не хочется оправдываться и объясняться перед ней. Начнутся расспросы да допросы. Объясняйся снова,

по какой причине пришлось уволиться с работы в очередной раз.

Сказать правду своей матери он не мог, а врать ему почему-то в этот раз расхотелось. В очередной раз его уволили с работы по «собственному желанию» за почти ежедневные ночные и дневные попойки и «проделки» в деревне.

С появлением Петьки в деревне, у её обитателей начиналась совершенно иная и, удивительно, на редкость весёлая, разгульная, нарушающая все стандарты деревенского бытия, жизнь.

В однообразную и скучную деревенскую жизненную карусель совершенно никому не знакомым молодым человеком бурным потоком, как весенние паводки, вводились только одному ему знакомые правила своеобразного репертуара.

В этот репертуар вовлекались практически, все, кто имел хотя бы малейшее представление о «зелёном змие».

Петька поразительно быстро и в очень короткий срок «сколачивал» из деревенских собутыльников свою «агитбригаду», которая веселила честной народ и днём и ночью.

Больше всего его компания походила на небольшой деревенский бродячий цирк, кочующий из дома в дом, независимо от времени суток и года.

Наутро уже вся деревня знала о «великих» подвигах бригады за прошедшие сутки через планерку, проходившую рано утром в конторе отделения совхоза.

Главным героем утреннего совещания, конечно же, непременно становился вновь принятый ветврач или зоотехник. Всё зависело от занимаемой Петькой должности со своими уже «ассистентами» из числа

наивных и доверчивых сельчан.
Уже в семь часов утра сердобольные и терпеливые хозяйки со слезами на глазах подсчитывали скромные домашние «убытки».
У кого-то было безвозмездно выпито три литра самогона и полфляги браги. Кто-то показывал разбитый и изрядно опухший нос. Многие из участников этого «театра» прятали под затемнёнными очками, или закрашивали румянами, свежие, вперемешку со старыми, синяки под глазами.
Но были и такие «крепкие» заявления, от женщин в том, что её муж сегодня не выйдет на работу.
Он «лыка не вяжет» и связанный по рукам и ногам за «дебош» в доме, встречает рассвет под кроватью.

-2-

В райцентре Петька заглянул в «мордобойку», так все называли пивную за частые драки, как внутри помещения, так и на прилегающей к нему, территории, находившуюся почти в центре города и на весь «расчёт», который не превышал и трёх рублей, набрал себе пива, высматривая знакомые лица.
- Федька! Друг! Иди ко мне!- Позвал он появившуюся в дверном проёме пивной из-за косяка очередную голову.
-Здорово, дружище! Да ты что, не узнаёшь меня?! Да это же я, Петька!- Тряс он дрожащую руку вошедшего мужичка, по лицу которого было хорошо видно, что тот с глубокого похмелья. Вспоминая – кто это, радостно пододвигая вошедшему кружку с пивом, хлопая новоявленного «друга» по трясущемуся плечу, громко басил Петька.
Поделившись новостями и выпив по три кружки пива, обнявшись, как «закадычные» друзья, они повели бурную и очень важную, по их разумению, беседу.

Им обеим было абсолютно не важно, кого как звали на самом деле, потому что у них, как и у многих таких же, горе мужиков, в этот «пиковый» момент была только одна очень важная тема.

Их беседа имела только одно, по их обоюдному согласию, направление – Петькино трудоустройство. Уж очень хотелось ему устроиться непременно главным специалистом на центральную усадьбу.

Не просто совхоза, а обязательно знаменитого, желательно - орденоносного, так как этот совхоз всегда на виду у правительства. Значит, не исключена возможность в получении премиальных и им, Петькой.

От такого разговора у друзей перехватило дыхание в горле, а на лбу выступили крупные капельки пота.

Вытирая грязным рукавом заношенного пиджака пот со лба, друг перебрал добрый десяток крупных деревень.

Петька категорически все их отвергал. Во многих из них он уже «работал». В каждой из этих деревень либо директор, либо управляющий, либо парторг были слишком жестоки к нему.

Даже председатель сельского совета, по его твердому убеждению, жмот и алкаш. Они постоянно ни за что придирались к нему.

От такого холодного отношения к Петьке со стороны начальства, его изрядно «подкосившееся» здоровье не выдержало. Из-за этого он, сильно расстроившись, не мог продолжать свою дальнейшую трудовую деятельность с этими «тупыми людьми».

Скрипя сердцем, Петька вынужден был покидать уже почти обжитую деревню. Покидать подругу и спутницу своего личного семейного счастья, и успевших привязаться к нему детей. Своих детей, к

великой Петькиной радости, он не успевал завести. Самое главное - было жаль расставаться с большим домашним хозяйством.

Но если посмотреть правде в глаза, то Петька в своей жизни никогда не ухаживал за домашними животными, потому что не видел в этом особой радости и необходимости.

Чаще же всего, когда ему сильно хотелось выпить, он с лёгкостью заправского мясника пускал под нож нажитую не замужней женщиной домашнюю животину.

По Петькиным понятиям, его вынуждали покидать деревню руководящие ею бездари, не понимающие Петькиной большой любви к животным, без которых он не видел дальнейшего смысла в продолжении своего трудового участия на данном участке работы.

Никто и никогда так толком и не мог понять, кто же он на самом деле по специальности. В карманах его костюма всегда находились нужные ему справки сельскохозяйственного техникума с зооветеринарного отделения.

Но самым внушающим документом была его зачётная книжка студента, трудно было сразу определить какого курса вышеуказанного учебного заведения.

За время скитаний по районам в поисках работы, Петька выработал свою «коронную» тактику самоличного представления начальству. Быстро раскрывая зачётную книжку студента, он подставлял ее почти к самому носу директора с обидой:

- Вот, смотрите, одни пятёрки! Четвёртый курс! Я уже почти специалист!- И он быстро захлопывал перед носом уж очень любопытного хозяина совхоза зачётку с одними «зачтено», вместо оценок. Затем быстро с гордостью прятал её в нагрудный карман, изрядно

износившегося и сомнительного по возрасту, костюма.

Ну, как тут не поверишь, увидев скатившуюся и с трудом выдавленную из глаз слезу вечного студента.

- Ну, что вы…? Что вы…? Пётр Иванович! Да мы…, да мы…, вас… главным специалистом … ветеринарным врачом… возьмём!

Вы уж на нас не обижайтесь! А что документы спросили! Так это так, для порядка, ну, для отдела кадров значит!- Начинали успокаивать «было расстроившегося» Петьку буквально все сидевшие в кабинете директора специалисты.

В разговоре они, участливо перебивая друг – друга, дружески и покровительственно улыбались ему.

И что же вы думаете?! Его брали на работу! Верили и брали! Брали главным специалистом целого совхоза, через месяц не зная, как от такого, горе вечного студента избавиться, «повышая» его в должности до чабана или скотника на отделение!

-3-

- Слушай, Петя, я слышал, что в деревню Н. ветеринар на отделение нужен!- Вдруг вспомнил друг.

Распрощавшись с ним, Петька, выйдя на окраину райцентра, проголосовал, и сидя в кузове попутной машины через два с половиной часа приставив ладонь ко лбу вместо козырька, оценивающе разглядывал приближающиеся окрестности деревни.

Войдя в деревушку с тремя короткими улицами, он вежливо спросил у сидевших возле старого небольшого дама на лавочке с покосившимся под окнами садиком, двух старушек:

- Бабуля, вы не подскажете, где у вас тут контора отделения?- спросил он одну из старушек.

-А во…ООО …он в том доме, что без садика и без

ставней, и будет наша горемычная контора-то!- ответила участливо разговорчивая старушка.

Поблагодарив их, Петька направился к указанному дому. Ему повезло. В конторе, состоявшей из маленькой коморки, где как он догадался, ютилась бухгалтерия отделения, и большой комнаты, в которой за массивным старинным столом, стоящим между двух окон, сидел явно чем-то озабоченный мужчина.

- Можно!- входя в контору, бодро спросил Петька.

- К нам всегда можно!- охотно ответил мужчина, перебирая на столе какие-то бумаги.

- Каким же это ветром тебя сюда в этакую глухомань занесло?!- Улыбаясь, бесцеремонно спросил мужчина, вставая из-за стола и выходя навстречу непрошенному гостю.

Володька увидел перед собой коренастого мужчину лет сорока в изрядно поношенном сером костюме, под которым была видна далеко не первой свежести голубая рубашка.

На его босых ногах восседали старые резиновые калоши, носки которых сильно торчали из-под немного коротковатых серых брюк.

- Да, вот хотел узнать не нужны ли вам специалисты?- сделав на последнем слове ударение, бойко спросил Петька.

- Мне в райцентре сказали, что здесь ветврач нужен!- подозрительно глядя на подошедшего к нему мужика быстро, но твёрдым голосом залопотал Петька.

-Мне бы управляющего отделением увидеть!- продолжал он, не сбавляя уверенности в голосе.

- А я и есть – управляющий!- весело проговорил мужчина.

-Да, это точно, нам вот как ветеринар нужен!- и он резко провел ребром ладони по горлу.

-Позарез нужен! Доярки и телятницы не сегодня-завтра меня живьём съедят,- и он, вынимая из бокового кармана своего костюма пачку папирос «Беломорканал», указывая на одну из стоявших вдоль стены скамеек, дружески предложил Петьке сесть и закурить.

Петька с радостью принял оба предложения управляющего, потому что, во-первых, у него сильно «гудели» ноги от ходьбы, а во-вторых, своих папирос или сигарет у него почти никогда и не было.

Закурили. Разговорились. И тут уж палец в рот не клади, Петька выдал управляющему все их беды в области животноводства на отделении.

- Да ты что!? А ты - то откуда всё это знаешь?! Ну, брат, ты даёшь!

А ведь в точку попал! Ну, раз ты в этом деле так хорошо разбираешься, то… давай прямо с сегодняшнего дня засучивай-ка рукава и…к делу приступай!

-Э … эээ … эх! Да чего уж тут не знать? Где только за это время я не побывал, чего только не видал, а животноводство в районах, особенно в «глубинках», почти везде одинаково поставлено. Только лишь названия деревень разные, а люди и руководители до того сильно похожи друг на друга, словно их в одном и том же инкубаторе выводят. Мне иногда кажется, что я никогда никуда и не уезжал, а живу и работаю вот уже почти добрый десяток лет в одном большом совхозе.

Одно только радует – природа везде хоть немного, но разная,- в какой-то момент с горечью в душе подумал Петька, но тут же выкинул из головы грустные и совершенно не нужные ему мысли и заботы.

К делу он приступил с радостью и … немедленно.

- Надо же! Даже трудовую книжку не спросил: - промелькнули в голове сначала беспокойная, а затем и радостная мысли.
- Ну, и Бог с ним! Трудовую мы пока попридержим, а потом видно будет,- решил он, выйдя на свежий воздух, и направляясь по улице как всегда в первую очередь в поисках жилья.
- Хозяюшки! Извините, пожалуйста! Вы не подскажете, где здесь можно квартиру или хотя бы угол для жилья снять?- бодро спросил Петька у двух разговаривающих, наверное, уже давно женщин.
- А кто вы такой будете-то?!- Спросила бойко одна из них.
- С сегодняшнего дня ваш новый ветеринар!
- Да ну! Ой, как хорошо-то! Наконец-то! Дождались!:- Подхватили почти в голос обе женщины.
- А вы к Шурочке «горбатой» попроситесь. Она всех, и заезжих, и приезжих охотно привечает,- хитро улыбаясь подруге, предложила одна из собеседниц.
- Она во …ооо…он в том доме с зелеными ставнями живёт.
-Это почти в конце улицы будет,- подхватила другая женщина, чему-то хихикнув.
Петька весело распрощался с женщинами и направился к указанному ему дому.

-4-

- Хозяюшка! Есть кто дома? Пытаясь перекричать надрывно лающего на цепи пса, окликнул он через калитку, заодно рассматривая полуразрушенное хозяйство одинокой, как он понял из разговора двух подруг, бездетной женщины.-
Примерно, через полминуты на крыльцо вышла довольно симпатичная на лицо, лет тридцати, хозяйка. Глядя ей в лицо, Петька кокетливо заулыбался. Но,

вот оказия, взгляд непроизвольно скользнул по спине женщины.

На спине у неё действительно красовался, портивший всю грациозность женской фигуры, большой горб, при виде которого у Петьки по телу забегали неприятные «мурашки».

- Да, что мне, жить с ней, что - ли? Лишь бы на квартиру пустила, а там разберёмся, что к чему! – Успокаивал он сам себя, стараясь не смотреть на спину красивой женщины.

Через год Шурочка родила ему дочь, а ещё через месяц они зарегистрировались в загсе.

- Да чем же это она так привлекла к себе Петьку?!- Терялись в догадках его знакомые.

- Не иначе - приворожила! Я сама видела, как Шурочка к бабке Агафье тайком бегала! Не иначе, как за зельем! За приворотным бегала!

Вот оно и всё у неё получилось! При полной луне пила! Сама видела! Шторки-то, как только луна взойдёт, откроет!

Сядет у окна и всю-то ноченьку! Всю-то ноченьку, «сердешная», на луну глядит, да чай с этим самым зельем всё пьёт и пьёт! Не иначе влюбилась баба!

- А что! И она имеет право на любовь!- Вторила ей другая соседка.

-Иииих! Да что же это вы, «бабоньки»! У неё что!? Сердца нет, что - ли?! Ведь намаялась-то одна, ого-го как! Почитай, двадцать годков без малого, одна одинёшенька живёт!

Как мать–то схоронила, так одна с тех пор и живёт!- Перебила всёх третья.

На шутки мужиков Петька многозначительно улыбался. И на вопрос, как же он с ней спит, с горбатой-то?! Петька многозначительно и загадочно

отвечал:
- А я вначале на кровать хомут кладу, а потом уж жену в него, горбом вниз укладываю! Сам сверху взбираюсь! Вот так и живем помаленьку!
- Да, иди ты ….! Смущённо отворачивались от него мужики! Нашёл чем шутить!
- А вы то же, нашли о чём спрашивать!
Дочка, окончив институт, приехала к себе на родину работать главным экономистом родного совхоза.
За эти годы Петька очень сильно изменился. Многие руководители, узнав эту историю, почесывали в замешательстве свои затылки.
Что или кто и как повлиял на его неугомонный характер, для всех осталось тайной за «семью» печатями.

2007г.

МЕДВЕЖАТНИК.
Рассказ

Ещё с глубокой осени Василий, в очередной раз обходя тайгу, по только одному ему приметным тропам, а иногда и по своим особым засечкам на деревьях, заприметил большой лиственный завал с находившейся под ним глубокой ямой, заросшей густым мягким мхом.

- Хорошее место, глухое и тихое. Не может быть, чтоб на зиму не заняли,- подумал он тогда.

Василий шёл уверенным шагом человека, знающего, куда и зачем идёт. Он шёл по свежему снегу на коротких широких охотничьих лыжах, обтянутых «камусом», выделанным из маральих ножек.

День выдался не очень морозным, хотя на дворе и был декабрь месяц. От быстрой ходьбы Василий даже немного вспотел.

На ходу снял самим же красиво сшитые новые рукавицы - шубенки. Шагая немного помедленнее, достал из левого кармана армейского бушлата кисет, вышитый ещё невестой, а ныне молодой женой. Так же не спеша, из этого же кармана вынул и сложенную гармошкой газету, коробок со спичками.

Привычными движениями пальцев свернул самокрутку. Не спеша, с удовольствием закурил, выпустив изо рта в воздух несколько колец густого сизого дыма.

Самосад был настолько крепок, что у Василия сразу же перехватило дыхание. Он сильно закашлялся, смахивая выступившие на глазах слёзы.

Привычным движением руки поправил широкий пояс, на котором висел большой охотничьим ножом в ножнах.

Удобнее уложил на спине висевший через плечо кавалерийский карабин и, продолжая курить, думал о чём-то своём.

На востоке, в начинающем чуть брезжить рассвете, осталась его деревушка.

Свой ранний выход из дома Василий хорошо рассчитал по времени. Он знал, что до рассвета пройдёт известные ему кустарники и перелески, углубится в знакомые с детства лесные массивы. Он очень сильно любил этот лес, потому что, собственно, вырос вместе с ним.

Здесь он знал каждый кустик, каждое дерево и деревце. Иногда он даже мог угадать, каким и где вырастет травянистый массив. Он научился хорошо разбираться в лекарственных растениях.

Ему сильно нравился этот красивый переход природы от малого кустарника до могучих, в два обхвата, некоторых с выгоревшей у комля сердцевиной, лиственниц.

В скупых кронах этих гигантов чаще всего весной вили себе гнёзда орлы.

Именно у подножия многих деревьев чаще всего можно было встретить множество костей, а иногда и целые скелеты различных мелких птиц и даже животных.

Постепенно лиственницы, вперемешку с крупным кустарником, берёзами и осинами переходили в прекрасный сосновый лес, с попадающимися местами массивами кедрача.

Эта вечно зелёная лаборатория чистого воздуха постоянно будоражила сознание Василия и манила, манила к себе со своей загадочной и неповторимой своеобразной музыкальной симфонией шумового оркестра.

И эта музыка была на грани неизведанного, таинственного, магически чарующего волшебства, граничащего, немного даже со страхом перед царствующим могуществом таёжного властелина.

В зимнее время музыка имела свои характерные звуки, предостерегающие, как бы говорящие, что в это время года здесь не далеко и до беды.

Подойдя к тёмной стене леса, накурившись и бросив окурок в снег, Василий ещё раз оглянулся назад и, нахлобучив на голове плотнее шапку-ушанку, смело вошёл в лес.

На этот раз собак с собой он не взял, так как решил сходить «по-тихому».

До отмеченного лесного завала было километров восемнадцать - двадцать и сходить до него в один день туда и обратно было не лёгкой задачей. Василий торопился. Темноты он не боялся, зная, что человека, хорошо знающего тайгу, она не обидит.

К месту Василий добрался до обеда. Осторожно, вначале издали, обошёл вокруг валёжника и только по одному ему известным признакам понял, что под «завалом» берлога, и не пустая.

Отойдя от берлоги с километр, остановился у поваленной ветром лиственницы. Немного передохнул. Всухомятку перекусил.

Быстро закурил и уже знакомой дорогой резво побежал назад, показывая природе свою молодецкую удаль.

За свои тридцать лет жизни он уже шесть раз выходил на медведя один на один. Не все поединки были удачными, но это ни сколько не смущало его. Наоборот со всё более непреодолимым задором и азартом он вступал в схватку с медведем, пробуя свои сноровку, ловкость и, конечно же - силу, которой его

наградили родители и матушка - природа. Это было для него всем его смыслом сегодняшней жизни.

Это был спорт. Пусть кровавый, граничащий со смертью, но – спорт. Василий не был кровожадным, но он любил жизнь и любил пьедестал. Он был первым охотником в своем родном крае. Он был не просто первым. Он был лучшим.

Своего первого медведя Василий посадил на рогатину в двадцать два года так ловко, что даже видавшие всякое охотники, были сильно удивлены. Они видели, как он смело «перехватил» медведя, идущего прямо на пожилого стрелка, споткнувшегося в глубоком снегу.

Тогда Василий в прыжке, вложив в него всю свою молодую энергию, одним взмахом всадил в грудь матёрого зверя, которого потревожили среди зимы непрошенные гости, добротный охотничий нож.

И если бы не Василий, кто знает, чем бы закончилась эта охота для пожилого кормильца большой деревенской семьи, который ещё долго не мог подняться на ноги, видя перед собой оскал острых клыков умирающего зверя.

Вернувшись живым с Великой Отечественной, разгромив японцев, Василий стал победителем. С той поры к нему и пришла эта задорная мысль – никому и никогда больше не уступать первенства ни в чём.

Риск и азарт навсегда победили в нём страх, и на медведя он ходил всегда один.

Вот и сейчас, добравшись до деревни, уже в темноте он быстро разыскав глазами свою незатейливую избёнку, прибавил шагу.

Похлебав деревенского жирного мясного борща, поданного взволнованной молодой женой из-за долгого отсутствия мужа, прилег на самодельную широкую лавку немного отдохнуть.

Через час с небольшим, как ни в чём ни бывало, Василий стал собирать в дорогу свои нехитрые охотничьи пожитки.

Заново осмотрел лыжи, проверив крепления. Вынес их на улицу. Сложил всё необходимое в тайге в самодельный рюкзак. Наведя тщательную ревизию ножам и карабину, приступил к осмотру собачьих поводков.

Покончив со сборами, на ночь хорошо покормил собак и, поговорив с женой и детьми о домашних делах, лёг спать.

Утром поднялся очень рано. Вышел на улицу. Посмотрел на звёздное морозное небо. Покликал собак. Проверил бодрость настроения каждой собаки. Покормил их. Вернулся в дом.

Быстро умылся и плотно позавтракал. Оделся. Что бы ни где не жало и не сковывало движений, поработал руками и ногами методом гимнастики. Убедившись, что всё в порядке, вышел на улицу. Не спеша заправил за спину рюкзак, встал на лыжи и свистнул собак.

Огородами, не оглядываясь, быстро пошёл к лесу, туда, куда его сильно тянуло, манило, звало каждой клеточкой молодого здорового организма. До тех пор, пока не вошли в лес, собаки, устраивая свои незатейливые игры, то обгоняли его, то немного отставали.

Перед густыми зарослями каждая, как по команде, заняли свои места возле хозяина. Сосредоточился и сам Василий, хотя до места ещё было далеко.

С рассветом из-под снега, иногда прямо из-под ног, вылетали сонные куропатки. Но ни Василий, ни даже собаки не обращали на них ни какого внимания.

Временами их приветствовал дятел, усердно

выбивающий своим клювом только одному ему понятную «барабанную дробь».

-Да …!- Подумал Василий.

-Интересная птица! Наверное, правду старики говорят, что дятел не умирает своей смертью. Большинство – от сотрясения мозга. Чудно даже!- Продолжал он размышлять.

Отмерив в уме одному ему известное расстояние, Василий тихо подозвал к себе собак. Специальными карабинами с поводками прицепил их к своему поясу.

Собаки, словно почувствовав важность момента, перестали резвиться и, натягивая поводки, нетерпеливо пошли вперёд хозяина, помогая ему быстрее катиться на лыжах.

Осторожно подошли к берлоге. Но, почуяв рядом с собой зверя, собаки начали нетерпеливо рваться с поводков и беспокойно повизгивать. Василий, сдерживая их азарт, привязал собак к небольшой сосне и строго приказал:

- Сидеть!- Скинул с плеч карабин, рюкзак. Снял полушубок, оставшись в одной стёганой безрукавке. Спокойно поправил пояс с висевшими на нём двумя охотничьими ножами.

Так же не спеша, осмотрел ни разу не подводивший его кавалерийский карабин, патроны со специальными насечками на пулях.

Снял с пояса небольшой плотницкий топор и вырубил им две крепкие молодые берёзы. Из одной жёрдочки Василий изготовил увесистую, но, удобную в руках, рогатину, а из другой вырубил жердь – «пальму».

Сыромятным узким ремешком крепко привязал к её верхнему концу тяжелый охотничий нож, заточенный под «кинжал».

Ещё раз проверил в руках рогатину, сел на сухую

поваленную лиственницу возле собак. Уже смело закурил. Мысленно в который раз продумал план своих действий.

Накурившись, отбросил окурок в сторону и спустил с поводков трёх собак. Любимицу Пальму оставил на поводке при себе.

С громким визгом собаки бросились к берлоге, разгребая снежную нору. Удерживая Пальму на поводке, Василий начал «затравливать» её в образовавшееся отверстие.

Пальма лучше других собак умела поднять зверя из берлоги.

Через несколько минут послышалось слабое недовольное ворчание зверя. Тогда Пальма, надрывно визжа и лая, залезла ещё глубже в берлогу. Но как только из берлоги послышался сильный рёв зверя, видимо после крепкого собачьего укуса, Василий с трудом вытащил оттуда собаку и снял с неё поводок, предоставив полную свободу действий.

Собаки по очереди, с визгом и лаем, то подскакивали к отверстию берлоги, то так же быстро отскакивали от него, чтобы с ещё большим ожесточением кинуться снова в логово зверя, заскакивая в него почти на половину.

Василий, сосредоточившись, стоял рядом. В левой руке он держал рогатину, а в правой приготовленную «пальму».

Вдруг все собаки отскочили в разные стороны, а из берлоги показалась голова бурого медведя.

В считанные доли секунды Василий отметил, что медведь средней величины и справиться с ним будет не так уж и трудно.

Как только медвежья туша показалась из норы на половину, собаки снова дружно набросились на

медведя с боков. Наконец он показался весь. Темно коричневый. С белым «ошейником» и с таким же белым пятном на груди.

- Шарик! Полкан! Пальма! Сзади его! Быстро! Сзади бери! Стрелка, с боку! С боку бери его! С боку!- Властно и хладнокровно командовал Василий.

Хорошо натренированные собаки разом бросились на медведя и начали кусать зверя со всех сторон.

Медведь не выдержал.

Поднялся на задние лапы и, отмахиваясь передними лапами от наседающих со всех сторон собак, медленно пошёл на стоявшего перед ним человека.

Василий только этого и ждал. Он, пока медведь ещё не привык к солнечному свету, сунул ему в передние лапы рогатину. Как только зверь схватил лапами рогатину и начал со злостью и рёвом её ломать, отмахиваясь от наседавших сзади собак, Василий, выбрав удобный момент, сделал резкий прыжок к медведю и с силой вонзил «пальму» в белую грудь зверя.

Медведь, как бы спрашивая, за что, резко остановился и сел на задние лапы.

Но Василий резким коротким взмахом «пальмы» нанес зверю ещё один сокрушительный удар в область сердца.

Медведь неуклюже подпрыгнул и всей тушей упал на нож, который Василий не успел выдернуть из его груди. Хрустнуло древко сломанной «пальмы».

Глаза зверя стали быстро «стекленеть». Зверь был мертв.

В этой короткой схватке за считанные секунды Василий совершенно не обратил внимания на то, что из берлоги вылез ещё один, более крупный зверь, и с ходу бросился на стоявшего к нему спиной охотника.

На перерез медведю, словно чувствуя смертельную опасность, грозившую её хозяину, бросилась Пальма.
На короткий миг, вцепившись медведю в спину, она заставила зверя остановиться и подняться на задних лапах.
Чтобы освободиться от непрошенного гостя, медведь ловким движением передних лап одним взмахом отбросил висевшую у него на спине собаку далеко в сторону.
Этого мгновения Василию хватило лишь только на то, чтобы оглянуться. Дальнейшая трагедия разыгралась в несколько секунд.
Своей огромной передней лапой медведь зацепил его за голову так, словно яичную скорлупу, и быстро подмял под себя. Всей борьбы с разъярённым зверем Василий не помнил.
Очнулся он от сильной головной боли и боли во всём теле. А ещё от чьего-то тёплого и шершавого прикосновения к своему лицу.
Это одна из собак облизывала его подбородок.
Василий попытался открыть глаза, но их что-то закрывало. Сразу он не мог понять, что же с ним произошло!?
В сознание медленно приходило, через сильную головную боль, понимание тех роковых минут, в течение которых он даже не успел оценить происходящие события.
Вначале он подумал, что уже ночь. Рукой Василий попробовал приоткрыть веки, но рука повисла как плеть, и отдалась сильной болью по всему телу. Осторожно пошевелил левой рукой.
С трудом дотянулся до лица и хотел убрать с глаз то, что мешало ему разглядеть окружающую обстановку.
Но от резкой боли он застонал и понял, что это кусок

кожи, содранный медвежьей лапой у него со лба. Превозмогая боль, очень медленно охотник вернул лоскут кожи на место и расправил его на лбу, как смог.

Через слипшиеся в крови ресницы разглядел лес и попытался оглядеться вокруг.

Его ноги в самим сшитых унтах были вдавлены глубоко в снег тяжёлой тушей медведя.

Рядом радостно повизгивал Шарик. Стрелка и Полкан терзали судорожно загребающего лапами снег медведя, из груди которого торчал запасной нож Василия, до поединка висевший у него на поясе. В стороне без движений лежала его спасительница Пальма.

Телом Василий совершенно не владел, он хорошо понимал, что если наступит ночь, то ему – конец.

-Шарик, Полкан, домой!- Сохраняя твердость в голосе, приказал он собакам.

-Стрелка, сидеть!- И он снова потерял сознание.

Очнулся Василий дома на третьи сутки. Его голова была забинтована белыми тряпками.

Правая нога, сломанная ниже колена, находилась в самодельных «шинах». Левую ногу, вывихнутую в борьбе со зверем, ему, как подобает, вставил на место местный ветеринар.

На правой руке, от предплечья до локтя, была сильно порвана мышца. Но и эту беду ветеринар мастерски поправил, пока её хозяин находился без сознания.

Два сломанных ребра охотники, в общем-то, и не брали в расчет.

Сильно боялись за снятую медвежьей лапой от затылка и до самых бровей кожу.

Всей деревней гадали:

-Выживет? Или не выживет? Двух медведей сразу

завалил!
Такого случая в деревне еще никто не припомнит! Это ж надо так! Один завалил!!-
- Неужели отохотился?! Чем семья-то теперь жить будет?- Тихо гудела деревня.
Многие охотники с завистью смотрели на трёх оставшихся в живых собак, усердно зализывающих свои «боевые» раны.
-Таких охотников, как Василий, смерть не берёт!- Коротко и многозначительно уверяли старики.

1997г.

ЗОВ ДУШИ.
Повесть.

-1-

Из всей своей большой семьи в неполные шестьдесят лет Николай остался один.
Их было четыре сына у отца с матерью. В эти тяжёлые перестроечные годы, годы перехода страны на новую демократическую основу жизни, умерла мать.
Не выдержало сердце и у Виктора, первенца, в свои пятьдесят восемь лет. Его похоронили через четыре

года после смерти матери.

В канун пятой годовщины со дня смерти матери, день в день, умирает третий брат Сергей. Через два года после похорон Сергея, в пятьдесят один год, умирает последний брат Анатолий. И все в первом месяце весны.

Что это? Знак свыше? Знамение, как на не нужных людей? Рок? Судьба?

Чья-то месть? Колдовство? В чем они так сильно провинились перед жизнью? За что? За право быть людьми! За свою гордость, которую нельзя было ни уничтожить, ни сломить!

Ведь и у них, как и у всех людей страны, было своё фамильное достоинство, которым дорожила вся семья во имя своих детей. А детей у них было много. Братья гордились этим, как самым ценным, ничем и ни кем не заменимым.

За прошедшие десять лет, Николай был участником похоронных процессий девяти самых близких ему людей. Он, второй сын и брат в своей семье, сегодня, по воле бога, остался в живых один.

Ему было очень больно видеть и переживать то, как вокруг него валятся, по сути, «дубы», казалось бы, внешне, очень крепкие, жизнерадостные, полные сил и неиссякаемой энергии, его братья.

Но эти дубы не были готовы к таким резким жизненным переменам.

-2-

На похороны Анатолия собрались и все племянники. Приехали из Минусинска и Николаевы сыновья. Второй его сын Дмитрий восемь лет назад открыл своё собственное предприятие, которое сегодня выросло во внушительную солидную фирму по лесоразработкам и выращиванию новых лесных

массивов.

Его предприятие вписано в реестр развития Красноярского края, как особо важный стратегический объект.

Благодаря своей внушительности, сегодня эта фирма ведет деловые связи со многими зарубежными клиентами в области торговли лесом.

Предприятие очень сильно расширилось, укрупнилось как по целям, так и по поставленным задачам в области его воспроизводства. Являясь генеральным директором уже объединённых предприятий, Дмитрий Николаевич привлёк к себе на службу и своих родных братьев, старшего Виталия и младшего Евгения.

Круглосуточная бесперебойная посменная работа комбината требует и более усиленного внимания, и напряжения, как умственных, так и физических способностей.

После тяжёлой процедуры похорон сыновья, внимательно осмотрев отцов автомобиль УАЗ-452 фургон, о чем-то переговорили между собой и предложили отцу взамен этого автомобиля легковой. Отец с удовольствием согласился.

Тепло распрощавшись с отцом и родными, Сыновья вернулись к своим неотложным делам в Минусинск.

Если Николая спросить, то он вряд ли смог бы кому-нибудь ответить, как он провёл, после похорон брата два предвыходных дня на работе. Николай очень тяжело переносил в душе потерю последнего родного брата.

Он был благодарен за душевную поддержку своим коллегам - учителям.

-3-

В пятницу, около двадцати часов вечера, с дивана его

поднял звонок мобильного телефона. С трудом и с большой неохотой, не желая никого видеть и слышать, не довольный назойливостью телефона, он всё же взял трубку:
- Папа, привет! Ну, как ты там!?- Услышал он в трубку мягкий голос младшего сына Евгения.
-Да ничего, бодрюсь помаленьку!- ответил отец.
-У тебя нет желания покататься на горных лыжах?
-На каких лыжах? Женя ты что, шутишь!? Весна на дворе, ручьи по дорогам, а ты - про лыжи!- немного возмущённо переспросил отец.
-Папа, я очень серьёзно спрашиваю тебя! Хочешь на горных лыжах покататься?
-Женя, а где и как я это сделаю!?
Ты мне ответь. Хочешь или нет?
-Да я бы с удовольствием, но где?
-В городе Саяногорске, на «Гладенькой»! Так горнолыжная трасса республиканского значения называется!
-Женя, но как я - то туда попаду?
-Поездом!
-Но у меня нет денег! Даже до зарплаты дожить, не то чтобы поездом куда-то ехать!
-Ты пока собирайся к поезду! Сейчас что-нибудь придумаем!-
Николай совершенно растерялся, но с противоречивыми чувствами начал собираться в дорогу, предварительно пересчитав остаток домашнего бюджета.
Денег до Абакана без покупки постельного белья ему хватало. А вот на что же возвращаться-то он будет? И Николай от досады почесал в затылке.
Снова зазвонил мобильный телефон. В одном носке, с брюками в руках, в большом смущении и в

растерянности, Николай поспешно взял трубку.
-Папа, ты где?- узнал он голос среднего сына Дмитрия.
-Дома!- Совсем запутавшись в домыслах, слегка заикаясь, ответил отец.
-Я сейчас через сорок минут за тобой заеду! Жди меня дома!
-Дима, прекратите шутить! Как это ты через сорок минут из Минусинска за мной в Ужур заедешь?
-Папа, я подъезжаю уже к райцентру села Новоселово! Через сорок минут буду у тебя!
-Но Дима! Как ты там оказался так быстро? На вертолёте что ли?- Возмущался отец, совершенно ничего не понимая.
-Нет! Я еду из Красноярска! Я там по работе был в краевой администрации! Сейчас возвращаюсь домой! Мне Женя перезвонил, вот мы всё и состыковали по твоей проблеме!
За сорок минут ожидания Николай так и не смог до конца «переварить» своей разболевшейся не на шутку головой, свалившихся на него, как снег на голову, таких бурных и резких перемен за один вечер.

-4-

Через пятьдесят минут он уже сидел в автомобиле германского производства, на переднем сидении, которое любезно уступил ему сын - директор. Познакомились с молодым, довольно разговорчивым водителем замечательного автомобиля.
Выехали на автотрассу Красноярск – Абакан. За прошедшее десятилетие Николай только по трассе увидел очень много больших перемен.
В душе у него уже с новой болью вскипела обида и досада за свой разорённый и разграбленный город.
Проехали по ночной, довольно оживленной, столице

Хакасии городу Абакану.
Сын по просьбе отца с готовностью показал ему центральную панораму ночного города, города его юности, города, где тот начинал свою молодую карьеру комсомольского вожака секретарём райкома комсомола Хакасского сельскохозяйственного техникума.
От нахлынувших воспоминаний Николай надолго замолчал.
Начальник и водитель о чем-то тихо беседовали, предоставив старшему пассажиру побыть немного наедине самому с собой.
Пока ехали до Минусинска, Николай полностью развеял все свои сомнения по поводу появившейся два года назад назойливой идеи написать роман.
Он даже окончательно дал ему название - «Долгий лог».
Въехали в город Минусинск, в котором выросли и «возмужали» его дети, в город, где родились его внуки.
Дима отпустил шофёра до понедельника с просьбой хорошо просмотреть машину после дальней дороги.
Вошли в подъезд, где жил сын со своей семьёй. От волнения у Николая все пересохло во рту. Он не мог разговаривать.
Пять лет он не видел внука Илюшу. И, ещё совсем не видел годовалую внучку.
Но когда сын подал ему в руки две больших упаковки и попросил от своего имени вручить подарки внукам, Николай совсем растерялся. Его ноги перестали подчиняться его воле.
В коленях появилась мелкая неприятная дрожь. Слёзы горечи пеленой закрыли глаза. В паническом настроении трясущимися руками Николай выполнил

просьбу сына, и они вошли, предварительно позвонив, в открывающуюся дверь квартиры.

В коридоре их встретили улыбающиеся невестка Оля и внук Илюша.

Для сильно расстроившегося Николая это было сказочным сном. Он в объятиях милой невестки, а на руках – восьмилетний внук.

Не успел Николай выйти из шокового состояния, как Оля немедленно повела его в детскую комнату в гости к внучке и показала ему чудесное создание, самое ценное в жизни этой счастливой супружеской пары – свою дочь.

Дед долго не мог придти в себя от нахлынувшего волнения, от множества впечатлений, навалившихся на него за очень короткий период глубокой ночи.

Он с любовью смотрел на спящую внучку, которая проснулась среди ночи от шума в квартире, но, часто поморгав своими голубыми глазками, глядя то на маму с папой, то на деда, тут же заснула.

Полюбовавшись спящей внучкой, мило перебирающей что-то во сне своими маленькими с розоватым оттенком губочками, счастливо улыбаясь, дед вернулся в комнату внука.

Сын с отцом усиленно колдовали над подаренной дедом упакованной большой игрушкой.

Игрушка оказалась автоматическим динозавром, который выполнял множество действий, управляемый пультом.

Схожесть автоматического робота с живым существом была невероятно сильной. Внук был в восторге.

В это время Оля, испытывая огромное любопытство, распаковала подарок дочери. В упаковке оказался медвежонок, но… говорящий. Ознакомившись с

инструкцией, Оля убедилась, что медвежонок умеет не только разговаривать, но и может учить малышей математике, и даже хорошо знает русский алфавит.

-Сколько же всё это стоит?- шёпотом спросила Оля мужа.

-Динозавр стоит двенадцать тысяч рублей, а говорящий мишка – семь тысяч.

Николай, слышавший их тихий разговор, пока внук был увлечён подарком, от изумления сел в кресло и непроизвольно перевёл сумму подарков на свою учительскую зарплату.

Выходило, чтобы купить такие игрушки ему необходимо отработать ровно три своих учительских месяца.

-Но, а на что же тогда он сам - то жил бы все эти три месяцы?-

И снова уже в который раз только за прошедшие сутки Николаю стало стыдно и горько за своё безденежье и нищенскую зарплату.

С дороги невестка любезно предложила свёкру помыться в душе, на что Николай охотно согласился.

От души, принимая ванну, он «переваривал» в своей голове события минувшей, такой насыщенной огромными переменами, недели.

Подкрепившись поздним ужином, проговорили почти два часа.

-5-

В девять часов утра всех, как по команде, своим детским плачем подняла с постели проснувшаяся внучка.

Этого с нетерпением ждали как отец, не видавший дочь уже трое суток, так и дед, желанием которого было скорее взять маленькое сокровище на руки.

Следом за матерью в её детскую комнату разом

вошли и отец, и дед. Сидя на руках у мамы, внучка охотно пошла на руки деда.

- Ну, знаете ли! Подумать только! Вместо папы к не знакомому человеку сразу пойти на руки! Это просто поразительно! Она никогда этого ещё ни делала! Ну, деда! Ну, деда! Какой-то магической силой у нас обладает, что ли?!

-Да нет здесь ничего удивительного, и тем более, магического! Просто я очень сильно люблю детей! Вот из-за них-то и на учителя выучился! Но секрет, по-моему, здесь маленький есть!

И нежно беря внучку на руки, с удовольствием чмокнув в её щёчку, деда с гордостью подчеркнул:

-Да как же нам не любить друг друга! Мы же с ней одной крови!

И он крепко прижал к себе такой дорогой шевелящийся, что-то щебечущий ему на ухо, тепленький, ароматно пахнущий детской постелькой, милый сердцу и душе, живой комочек своего счастья.

Уткнувшись в маленькую детскую грудь ребенка, Николай прятал ото всех свои слёзы. Это были слёзы радости, откровенно говоря, которых он не ожидал.

Со своими детьми он не виделся уже пять лет, хотя сердце каждую весну и лето с надеждой звало и рвалось туда, где жила, росла и крепла его родная семья, где росли уже его внуки.

Тем более, сегодня, он очень остро ощутил, как одиноко ему стало на своей родине, где он остался теперь один, выживая, чтобы получить свой заслуженный пенсион.

Но сейчас его это совершенно не беспокоило, ведь рядом с ним его внуки - смысл всей его дальнейшей жизни. Продолжатели его рода. Фамильного рода. Его фамилия всю свою жизнь, из поколения в

поколение, служила только своей стране, любимой России.

Дима решил показать отцу место своей работы. Узнав, что муж вызывает по телефону такси, Оля возмутилась и корректно заметила ему, что никуда и ни кого без завтрака не отпустит. Диме пришлось отложить отъезд на час позже.

Завтрак был отменным.

-И когда только невестка успела нам такой шикарный завтрак приготовить?- Недоумевал свёкр.

Через час к подъезду подошло «такси» и они поехали с генеральным директором к нему на работу.

Центральная база основного производства находилась в восемнадцати километрах от города.

-6-

Подъехали к КПП. Сын рассчитался с водителем за проезд и пригласил отца следовать за ним. Вошли в двухэтажное административное здание Г-образной формы постройки, примерно тридцать на двадцать метров и шириной метров двенадцать.

Сын показал отцу свой рабочий кабинет, довольно внушительных размеров и с хорошей рабочей мебелью.

Затем познакомил его с остальными служебными помещениями, в том числе и с кабинетами, в которых работают его братья.

Вышли через проходную, предварительно показав вахтёру пропуск, на основную территорию комбината.

Отец был приятно удивлён рабочими размахами на площади в пять гектаров, где постоянно двигались погрузчики, лесовозы, железнодорожные подъёмные краны, загружающие товарные вагоны пиленым лесом.

Сын на ходу объяснял отцу, что предприятие работает

круглые сутки в три смены и без выходных.
В настоящее время ведется погрузка леса в вагоны, предназначенные для отправки в Алжир и Германию, и он указал отцу на аккуратные упаковки пиломатериала в целлофановой обертке под металлическими лентами - стяжками.
Затем он показал распиловочные цеха и сушильную камеру для просушки леса на экспорт.
Заглянули в котельную, которая топится своими же отходами, предназначенными на дрова. Дмитрий Николаевич посетовал на то, что не успевают перерабатывать отходы, и что приходится бесплатно отдавать их не только своим рабочим, но и всем желающим.
-Папа, мы очень много «не кондиции» раздаём детским учреждениям. В общем, для некоторых бюджетных организаций являемся меценатами. Знаешь, приятно, когда ты кому-то кроме семьи ещё нужен, слегка улыбаясь отцу, продолжил сын.
Под впечатлением увиденного, усаживаясь теперь уже в личный автомобиль сына японского производства, отец осторожно спросил его:
- Дима! И все же, какова твоя цель в создании своего «детища»?
Сын, словно ждал этого вопроса.
- Папа, моя цель – богатство моего народа, работающего со мной! Понимаешь?! Чем богаче будут жить рабочие моего предприятия, тем богаче будут моя семья и моя Родина!
Я побывал во многих леспромхозах и лесничествах и увидел там такую нищету, что и вспоминать стыдно. Кругом безработица!
Моя цель – объединить, как можно больше, лесхозов в большую дружную рабочую семью.

Где ни кому не грозила бы безработица и разорение. Если получится, то будем строить свои детские сады. Может быть и школы начнём строить в разорившихся деревнях.

Лес- то просит не только присмотра за ним, но и ухода. Сильно хочется иметь свои лесные питомники с обилием и разнообразием животного мира.

Каждому желающему трудиться, обязательно найдем хорошее дело. Вон, у меня сын, конюшню строить собрался! Это-то в его-то восемь-то лет?!

Я тебе показывал нашу рабочую столовую! Она у нас самая дешёвая в округе. Сейчас евроремонт там проводим!

-7-

Вот на этом месте два года назад, возвращаясь на иномарке домой, в заботах о Шушенском лесхозе, поздно ночью я заснул за рулём.

Очнулся только через месяц на больничной койке. Рядом в слезах две женщины. Мать и жена. Позже они мне объясняли, что хирурги собирали меня буквально «по частям».

Сын замолчал, а отец с болью в душе смотрел на крутой спуск дороги и резкий поворот по откосу песчаной сопки, по которой они спускались, возвращаясь с работы домой.

- Я же, как лучше хочу! Но есть такие люди, которые не понимают меня или не хотят понимать!

Если бы не мать-медик, моя Оля и брат Женя-медбрат, вряд ли бы мы с тобой сейчас беседовали. С того света меня вернули к жизни!

Поэтому у меня сейчас и отношение к ним иное! Спасибо им за всё!

-Дима, ты не думай об этом! Они выполнили свой долг! Долг матери и долг брата! Это так и должно

быть! Здесь всё по семейной чести! А жена! Жена у тебя чудесный человек! Береги её! Она очень сильно тебя любит!

У тебя замечательная хорошая семья!

-Папа, я это знаю!

- Ты удивительно не стандартный человек! От тебя исходит очень тёплая положительная энергия! И за это тебя очень сильно любят все родные! Я уверен, что и друзья то же горой за тебя!

Чтобы отвлечь сына от тяжёлых воспоминаний отец, полушутя, полусерьёзно, спросил:

-Дима! Проведя экскурс по вашему предприятию, я не увидел ни на территории, ни в административном здании ни одной надписи, предупреждающей об опасности курения!

-Заметил!- Улыбнулся сын.

- Таких надписей на нашем комбинате ты и не увидишь! Это нововведение внёс старший брат, Виталий Николаевич!

Приступив к своим обязанностям начальника охраны, он, как юрист, и внёс это конкретное предложение о запрете курения на территории фирмы.

Но это ещё не всё!

Он предложил, в рамках закона, о наложении на курильщиков больших штрафных санкций. Вначале все сильно возмущались, но нас поддержала слабая половина всех работающих, и особенно супруги, обсудив закон о вреде курения в общественных местах у себя дома! И что ты думаешь?! Никто не уволился! Заработок победил и рассудок!

Средний заработок наших рабочих у большинства составляет от пятнадцати тысяч и выше! Виталий Николаевич внес новые изменения в систему пропусков, обязательные для всех без исключения!

-Я это заметил, когда увидел, как ты сам на проходной предъявил свой пропуск! Я даже немного смутился! Но это мне очень понравилось!- засмеявшись, парировал отец.

-Все свои предложения Виталий аргументировал очень просто и коротко:- Всякая демократия начинается с дисциплины!-

- Конечно, вначале немного пошумели, потом успокоились! Да и что греха таить! Кругом пиломатериалы, древесные отходы! Ведь и до беды не далеко!

А главное - пожарники шокированы. Первое не курящее предприятие в Красноярском крае! По-моему здесь не до шуток!- С удовольствием заключил беседу Дмитрий.

-На днях администрация края приглашает меня на недельное совещание в Карелию! С Москвой всё согласовано!

Из Красноярска нас будет всего несколько человек! Новую жизнь надо и начинать по-новому! Чтобы осуществить свои новые проекты, будем у соседей опыт перенимать! Появится возможность, то и свои соображения на этот счёт можно будет высказать!

-8-

Ну, вот мы и дома! Обедаем и на «Гладенькую»! Уж очень сильно Илюше хочется, чтобы ты на горных лыжах покатался!- улыбаясь отцу, выходя из машины, бодро заключил Дмитрий.

-Где вы так долго были? У Димы вечно дела да дела!! В один день всё хочет переделать! Обед давно уже остыл! Да как вам не стыдно? – Доставая из микроволновой печи с ароматным запахом по всей квартире обед, радостно хлопотала по кухне, встречая мужа и свёкра, Оля.

Обедали, как и водится в этой семье, с шутками, весело и непринуждённо, высказывая заслуженные комплементы героине обильного обеда, Оленьке.
Дима, как бы между прочим, намекнул отцу, что свои мастерство и талант по поводу приготовления обедов, Оля скромно пока держит в секрете.
-Ну, знаете ли, я тут у вас так и про свою работу забуду!- С удовольствием пошутил отец.
- Папа, Оля скромничает! Она у нас своё кафе собирается открывать!
-Вот оно как? Тогда за мной маленький взнос в общее дело! Мебель в кафе я делаю сам своими руками! Можно, Оля?!- Спросил свёкр, улыбаясь.
-Ой, как классно-то будет! Да это же не кафе, а шедевр, какой то будет! Со своей-то мебелью!
-Оленька, если мы с тобой заключим «контракт» на установку в кафе не только мебели, но и на его оформление, то я буду просто счастлив заняться этим делом. О таком доверии не каждый свёкр может мечтать!
-Договорились!- С радостью парировала невестка.
После обеда, одевшись, шумной гурьбой все вышли на улицу! Дед с внуками сел на заднее сидение автомобиля. Дима занял место водителя, Оля расположилась рядом с мужем, на месте пассажира.
Завезли внучку к бабушке.
Сами на автомобиле поехали навстречу едва виднеющимся в сизой дымке далеко на линии горизонта, Саянским хребтам.
-Дима? А где же Женя, виновник всей этой затеи? Я его сегодня увижу или нет?- Не выдержав своего беспокойства по поводу отсутствия младшего сына, немного смущаясь, спросил отец.
- Не волнуйся, папа! Он пока сейчас на работе! Но ты

его скоро увидишь!
-А где и как же я его увижу?!- забеспокоился отец.
-На «Гладенькой» увидитесь! Он, пожалуй, ещё вперёд нас там будет! Закончит свои дела по работе и приедет!- улыбался Дима.
-А с Виталием я сегодня увижусь?- полюбопытствовал отец.
-Со всеми увидишься, папа! Не волнуйся! Вот на горных лыжах покатаемся, а потом нас дома все ждать будут! У нас такой график проведения сегодняшнего дня в связи с твоим приездом составлен! Со всеми увидишься, не беспокойся.
За разговорами быстро промелькнули сто километров пути. Проехали город Саяногорск, свернули в горы.

-9-

Николай сильно волновался. Как давно он не был в здешних местах. Всё это было сном из далёкой юности.
Дорога извивалась гравийной лентой между горных хребтов и перевалов.
Неожиданно из-за поворота вынырнуло красивое большое здание с широкой стояночной площадкой для автомобилей.
На этой площадке возле автомобиля стоял улыбающийся, с широко расставленными руками, младший сын Евгений.
Дима подъехал к ним и остановился. Младший, не дав отцу полностью вылезти из машины, крепко обнял его и буквально вынес из кабины. Крепко обнявшись, сын с отцом, задавая друг - другу не нужные вопросы, долго стояли в окружении родных и друзей.
Оказывается, Женя приехал с Иваном и его супругой. Для Николая это было приятным сюрпризом. Он подошёл к Ване, и они крепко обнялись. Иван -

однокурсник Димы, познакомил Николая со своей супругой Наташей.

-Вот они, единомышленники и не разлучные друзья. Это и есть одна команда, решающая все дела и возникающие проблемы!- От души порадовался за молодёжь отец.

Получив не обычное, впервые оказавшееся на ногах отца, спортивное снаряжение – горные лыжи, предварительно тщательно подогнав по ноге, Евгений передал деда для дальнейших инструктажей в распоряжение внука Ильи.

-Илюша! Дорогой мой! Да я же стоять-то на таких лыжах путём не умею, не то чтобы кататься!- Беспомощно перебирая ногами в специальных ботинках на коротких лыжах из дюралевой основы, опираясь на лыжные палочки, беспомощно лопотал дед.

-Я же упаду на них!- Продолжал в восторге ворчать деда на внука.

-Деда! Ты не бойся - и не упадёшь! Самое главное, когда будешь падать, то падай в сетку! Капроновая сетка натянута по бокам широкой лыжни! Вот в неё ты и старайся упасть!

-Это что же?- Как рыба в воде?!- иронически пошутил дед.

-Да, да, да! Сетка стоит как раз для таких лыжников, как ты!- подтвердил внук.

-Деда! Ты когда будешь ехать с горы, то спускайся, извиваясь, как змейка! Только делай изгибы чаще! Это необходимо делать для того, чтобы загасить скорость! Ну, в общем, садись на подъемник, и поехали в горы! Там разберемся! Главное - ничего не бойся! Понял!- подбадривал деда восьмилетний самодовольный внук.

-А я и ничего не боюсь! У меня такой замечательный

инструктор рядом со мной, и чего это я должен бояться! Да я ещё тебя обгоню!- Ласково обнимая внука за плечи, пошутил дед.

-Ну, это мы ещё посмотрим! Кого первым из сетки вытаскивать будут!- Заразительно засмеялся внук.

-10-

На подъёмнике Николай сидел рядом с Женей. За пятнадцать минут подъёма они успели о многом переговорить.

Отец понял, что Женя очень доволен, работая на одном производстве с Димой.

Впереди медленно менялась панорама заснеженных гор и горнолыжной трассы. Сын показал отцу деревянные домики, в которых отдыхали туристы и спортсмены.

Николай был счастлив и сильно благодарен сыновьям за такой чудесный отдых, с ещё сохранившимся зимним воздухом с белым снегом, за панораму далёких сизых гор Саянских хребтов.

Впереди ехали Дима со своей семьёй, а сзади - Ваня с супругой снимали гостя с сыном кинокамерой.

Сошли на двух с половиной километровой отметке.

Давая друг другу шутливые советы, ребята ринулись в «бой» по крутому снежному склону горы «Гладенькая».

Внука дед только и видел. Вначале Николай с затаенным дыханием и восторгом, лёгким страхом, неподдельным любопытством следил за тем, как на большой скорости вниз, извиваясь по трассе на горных лыжах «лёгкой змейкой», летел, нет, не летел, а, казалось, «парил» маленький ярко-оранжевый комочек под названием - его внук.

Дед и ахнуть не успел, как его восьмилетний внук скрылся из вида.

-Ну, знаете ли! Я к этому возрасту только научил своих детей кататься на лыжах по небольшим перелескам, оврагам и сопкам! Но чтобы в таком же возрасте научить своего сына кататься на горных лыжах!? Это не помещается в моём сознании!- захлебываясь от восторга, восклицал дед.

-Дядя Коля! Сейчас дети – вундеркинды! Их такими делаем мы! А нас - жизнь учит этому! Вот и весь секрет!- Улыбаясь, со смехом, успокаивала Николая Наташа, оставшись с ним рядом.

-Дима считает, что он в этом деле с сыном немного опоздал! Говорит, что в пять лет надо было приучить Илюшу к горным лыжам!- улыбаясь, продолжила, слегка над чем-то задумавшись, Ванина супруга.

- Ну, что? Поехали и мы!? Я ведь тоже не важная лыжница! Всего второй раз на горнолыжной трассе! Ох уж эти мальчики! Наверное, за не стандартность такого поведения мы их с Олей и любим! В общем – молодцы, «чертенята»!

С шестью падениями, где кувырком, а где и выпутываясь, как щука, из сетей, Николай, с трясущимися коленями, всё же съехал по трассе вниз, где с широкой улыбкой на лице довольный, разрумянившийся его ждал внук вместе с мамой Олей, успевшие за это время скатиться с горы дважды.

-Ну, вот! Я же говорил тебе, что совсем и не страшно! Вот видишь! Съехал же?!– Довольный встречей с заснеженным дедом, задорно высказал своё заключение внук.

Дед не сознался внуку, что у него после каждого падения появлялось желание немедленно снять лыжи и идти в низ пешком.

Но проблема заключалась в том, что он не знал, как снимаются лыжи с ботинок. Вот и вольно или не

вольно пришлось до конца осваивать курсы Илюши - катание на горных лыжах.

-11-

Конечно же, видя довольного внука, у которого глаза искрились гордостью за деда, съехавшего впервые по горнолыжной трассе в свои шестьдесят лет, Николай просто не мог признать своё поражение.

-Илюша! Как здорово! Вот это прелесть!- Выжимая на своём лице улыбку, воскликнул дед.

-Деда! Давай ещё по разу прокатимся!- Захлёбывался от удовольствия внук.

Это был не подлежащий обжалованию приговор мужеству деда.

- А как же! С удовольствие прокатимся!

И они снова пошли на подъемник.

На этот раз внук решил съехать с трёхкилометровой высоты, объяснив деду, что догонит его внизу трассы.

Странно, но взыграло самолюбие старого лыжника. И он решил показать класс езды, пусть даже и на горной трассе.

Оттолкнувшись палочками, Николай, делая частые змеевидные повороты для погашения скорости, на этот раз быстро приспособился к трассе. Он понял, что лыжи хорошо его слушаются и, набирая скорость, пошёл вниз.

Дыхание от необычности езды слегка перехватило. Он справился с волнением и уже спокойнее и увереннее стал управлять лыжами.

На какое-то мгновение он оглянулся назад. Уж очень сильно захотелось увидеть внука, который должен был его догнать.

И этого мгновения вполне хватило для того, чтобы потерять равновесие и удариться об ледяной наст горнолыжной трассы.

От резкого удара лыжи сами отстегнулись от ботинок и отлетели в стороны. Николай попытался подняться, но ноги его не слушались. Голова кружилась. Его сильно тошнило. Мимо пролетел на лыжах внук, что-то крикнув деду.

Подъехали сыновья. Но больше всего Николая удивило появление «скорой» помощи. Двое молодых ребят быстро оказали Николаю первую помощь и, погрузив его в «карету», быстро спустили вниз.

Вот бы у нас в Ужуре так «скорая» работала!- промелькнуло в больной голове Николая.

Было легкое сотрясение головного мозга от удара об ледяной наст трассы.

Как потом оказалось, дед не доехал до конца трассы всего сто пятьдесят метров.

Позабыв про неприятную боль в голове, Николай быстро подсчитал, что он проехал по трассе во второй раз два километра триста пятьдесят метров без единого падения.

И всё же, здорово! На следующий год мы с тобой обязательно покорим эту трассу!- обращаясь к внуку, как можно бодрее и убедительнее проговорил дед, чем не мало удивил и немного успокоил сыновей и невестку.

-12-

Домой возвращались Шушенским трактом. Проехали по плотине Маинской ГЭС и въехали в Шушенский заповедник, который стал с некоторых пор Дмитрию особенно дорог.

Дома Николая ждала семья старшего сына Виталия.

И снова долгожданная встреча с внуками Андреем и Алиной.

Вечером Евгений пригласил отца с матерью посмотреть широкоформатный фильм в центральном

кинотеатре. От увиденного фильма остались сильные положительные эмоциональные заряды в душе отца.

Весь следующий день Николай находился под вниманием невестки Оленьки и внучки Кристиночки. Оля на своем автомобиле свозила свёкра в Абакан, где дед с внучкой гуляли в течение двух с половиной часов, подкармливая уличных голубей. Прогулкой были довольны все.

Вечерним поездом Николай уезжал домой. Грустными, но тёплыми были минуты расставания. Сыновья настойчиво приглашали его к себе в гости на лето.

Им очень хотелось, чтобы отец мог побыть с внуками как можно дольше, в чем полностью совпадали не только мысли, но и дела абсолютно всех. Дед твёрдо пообещал приехать на летние каникулы, во время которых обязательно займётся внуками.

Провожала на вокзал Оленька. Ему сильно хотелось обнять это милое создание природы и родителей, прижать её к своей груди, но он по непонятной ему причине не сделал этого. Сдержал себя, о чём позже уже в вагоне сильно сожалел.

Он понял одно – дети на него не сердились!

Сидя в вагоне, Николай перебирал в своей памяти, как во сне или как действительность живой сказки, промелькнувшие события двух дней.

В его душе «кипели» противоречивые чувства, которые постоянно боролись сами с собой. На чашу весов было трудно положить те чувства, которые бы дали весомую оценку произошедшим событиям минувшего времени.

- Нужно ли было расставаться с семьёй? И зачем? Что он лично выиграл от этого? Дети-то поднялись и поставили себя на ноги уже без него! Только

благодаря своей матери! А где же он сам был в это тяжёлое для всех время! Чего хотел добиться?! И чего добился???

Имеет ли он полное право на дальнейшие встречи со своими детьми, их женами? А как теперь он будет объяснять внукам, невесткам, по какому праву и за что он, проживший сам трудную жизнь, лишил их права видеть свёкра и своего родного деда тогда, когда они этого хотят сами??? Да разве так любят себя? Разве так гордятся собой?

А то, что ты дал детям хорошее детство и юность, не могут служить тебе сегодня оправданием! Ты совершил преступление перед своей совестью и честью!

Ты совершил преступление перед своими детьми! Как ты теперь оправдаешься перед ними? Чем ты всё это смоешь? Сколько времени и сил на это нужно?! А времени-то, времени-то нет!

Его ведь у тебя совсем не осталось? Раскидал, расшвырял самое ценное, что сумел приобрести в своей жизни, всем кому не лень! Только не своим детям! Для чего ты тогда прожил свою жизнь? Кому она растрёпанная теперь нужна?

Ты хоть раз об этом задумывался?! Что ты сейчас, в свои шестьдесят лет можешь им дать? Как загладишь свои ошибки?

Так, уложив голову на столик, стоящий между сидениями вдоль стены вагона, пряча лицо от невольных свидетелей, от сознания, что теперь уже ничего не исправишь, он просидел всю дорогу до своего нынешнего, резко ставшего в душе чужим, дома.

Войдя в дом, Николай отчётливо понял, что его прошлым поступкам перед своей совестью

оправданий нет!
От сильной боли в области сердца у него задрожали ноги. Тяжело опустившись на диван, он медленно дотянулся рукой до полочки, с лежащими на ней лекарствами.
Накапал в чайную ложечку сердечных капель и запил лекарство водой. Машинально набрал из аптечки ещё каких-то таблеток и тоже запил их водой. Через полчаса, сидя на диване, не раздеваясь, в четвёртом часу ночи, он «провалился» в темноту.

Апрель 2007г.

НЕЖНОСТЬ.

(новелла)

Каждый раз, как только они ложились в постель, он ощущал всё новые и новые чувства блаженства от мысли, что она вновь рядом, что она вновь с ним в этом маленьком, и таком необъятно большом их мире.
Её спокойствие придавало ему ещё большую уверенности в себе, успокаивало его и, удивительное дело, он с великим удовольствием и наслаждением засыпал у неё на груди.
В ранее прожитой жизни подобного с ним не происходило. Её пушистое бархатное тело, всё больше и больше притягивало к себе и очень долго не отпускало даже на секунду, вызывая приятные чувства нежности и ласки. И чем больше он ласкал её тело, тем больше ему этого хотелось.
На его ласки она отвечала очень нежно и сдержанно. Но ему и этого было вполне достаточно.
Эти чувства вызывали в нём ещё большие порывы, на первый взгляд, казалось, безумного желания – любить её. Такому желанию ничто не мешало, и он с наслаждением отдавал ей себя.
О родственных чувствах они как-то не думали. Да, и в настоящее время это для них и не имело никакого значения. Они просто наслаждались минутами, отпущенными им самой судьбой, по-видимому, от имени Бога.
Им больше никто не мешал. Их желание быть вместе, наконец-то сбылось. Разговаривали между собой на удивление очень мало. Да и не хотелось ни о чём разговаривать.

Других проблем или важных и очень серьёзных решений, после уже принятых, больше абсолютно не возникало.

Возможно, это и есть их «медовый месяц» в рассвете «золотой середины» условно определённого столетия. Немножко грустный и, для обеих, душевно очень тяжёлый, и очень трудный месяц.

Обнимая и лаская её, он часто задавал себе один и тот же вопрос:- Выдержат ли они испытания этого сурового для них и, ужасно длинного, года?

Но, при этом ни разу не ощутил в себе чувства тревоги ни за себя, ни за неё. На душе было спокойно и поразительно тихо и уютно.

Он всё больше и больше стал удивляться сам себе в том, что очень рано стал ложиться спать. Но, по-прежнему часто просыпался по ночам в какой-то тяжёлой тревоге по непонятным причинам. Реже стал писать стихи.

И постепенно, где-то там, в подсознании, он стал понимать, что она очень тихо и медленно стала заполнять в его какой-то ухабистой жизни, образовавшиеся пустые тёмные места.

На душе одновременно было и радостно и, с горечью, грустно. Радостно за то, что его жизненное колесо снова, словно оторвавшись от ржавчины, наконец-то медленно закрутилось в нужном ему направлении.

Казалось бы, жизнь, неудержимо, с огромной скоростью катастрофически быстро приближавшаяся к пропасти, под названием смерть, из последних усилий оставшейся сконцентрированной в очень маленький комочек судьбы, дало новый, на вираже падающего полёта, глоток чистого, чистого воздуха.

И он понял, что кому-то в этой жизни ещё сильно нужен. Что кому-то в сотни крат больнее и труднее, обиднее и горче. Наконец-то! Свои!

Свои, пусть пока ещё маленькие, но свои заботы о собственной, ещё очень слабенькой, но, семье. Боже мой! Да какое же это счастье – иметь право на любовь, заботу об очень близком и дорогом тебе человеке!

Грустно за то, что где-то осталось второе поколение, снова не выращенных детей. Что всё так нелепо и глупо сложилось в прожитой жизни.

Наслаждаясь и любуясь её приятным и стройным телом, он ещё крепче прижимался к ней и, как бы убедившись, что она рядом, успокаивался и крепко засыпал.

Но прежде чем заснуть, он с наслаждение целовал её, совершенно забывая о том, что рядом с ним лежит сродная сестра.

Днём об этом он помнил постоянно, и испытывал иногда лёгкие чувства неловкости, которые быстро проходили и на душе, наоборот, становилось тепло и легко.

Он снова прижался к ней, обнял и тихо начал осыпать её лицо, «бронзовые» плечи, руки и грудь своими поцелуями. Это приносило его душе особое чувство удовлетворения, которого раньше он никогда не испытывал.

Со стыдом и ужасом вспомнил, как хотел покончить с собой, чтобы навсегда уйти из жизни, чтобы душа и тело успокоились уже в ином, быть может, действительно, удивительном мире, чтобы никогда и никому уже больше не мешать.

Что помешало ему совершить этот поступок? Скорее всего, её своевременное появление.

Часто думал над тем, что их родители- родные брат с сестрой. Но, ведь это же совершенно не мешает им быть вместе, и наслаждаться, пусть трудной, но уже своей замечательной маленькой семьёй.

Ну и что, что родственники окружили их своими враждебными чувствами, надеясь на скорейший развал их совместного недопустимого никакой морали союза.

Но он был уверен, что теперь этого уже не произойдёт, потому, что они сейчас не просто семья по крови, а единое целое, удивительно приятное и желаемое для обеих, под названием жизнь.

Ведь и она хватила «лиха» за свою прожитую жизнь. И оставить её сейчас одну он просто не имел морального права, потому что это было бы уже предательством не только по отношению к ней, но и к самому себе, не говоря уже об окружающем, пусть даже осуждающем их мире.

Да и даже от самой мысли подобного рода у него по телу начинали бегать «холодные» мурашки, потому что он не хотел её терять. В глубине души даже сильно боялся этого.

От одной только приятной мысли, что они вместе и, пожалуй, навсегда, он тихо и нежно прижимался к ней и проваливался в самый чудесный сад, под названием – сон.

Просыпаясь рано утром, он чувствовал, что её воздушное слегка отливающее бронзой тело находится рядом. Он часто пытался сравнить её тело со всем, что приходило в мыслях.

Мягкое, гладкое, нежное, упругое, бархатное, воздушное, лёгкое, пушистое. Но не находил сравнения ни с чем.

На душе от всех сравнений становилось ещё приятнее. Его с новой силой какой-то пьянящей волной охватывали такие чувства, в которых он и сам долго, а, иногда и вообще не мог разобраться.

Не смотря на денежные затруднения, он с особым удовольствием делал ей различные мелкие покупки из серии мелкой парфюмерии, понравившиеся обеим. Он очень сильно хотел, чтобы в своём городе она выглядела грациознее и красивее всех женщин её возраста.

Это приносило ему не сравнимое удовольствие, и он знал, что в ближайшем будущем так и будет.

С такими мыслями подняться с постели практически было просто невозможно.

Рядом с собой он чувствовал её ровное дыхание и сердцебиение, которое однажды он в шутку назвал «каменным», придавая этому выражению особый, только ему одному понятный смысл.

Лёжа рядом с ней, он часто мысленно спрашивал себя:- интересно, о чём же она сейчас думает, потому что всё время больше молчит?-

Но спрашивать об этом вслух просто не желал. Он не мог так грубо вторгаться в её сокровенный личный с душевными таинствами интимный мир.

Она, не спеша, слегка потягиваясь, находила удобную для своего тела позу и молча, испытывая минуты блаженства в таком положении, долго наслаждалась тишиной.

Он в такие минуты старался не мешать ей и в душе хотел, чтобы это её состояние длилось вечно, по крайней мере, как можно дольше.

Аромат её удивительно нежного упругого тела действовал на него опьяняюще и успокаивающе,

придавая спокойную уверенность на несколько дней вперёд.

Лёжа рядом с ней, он удивлялся переменам, происходящим и уже произошедшим с ним за эти последние дни. Он, кроме неё, никого не хотел видеть, и этого состояния души ему было вполне достаточно.

Про себя отметил, что под «ложечкой» перестало противно «ныть и сосать», исчезли боли в области сердца. Спать стал уже без сновидений и не просыпался по ночам в холодном поту.

Волшебница, чародейка, а, может, и правда «колдунья», с нежностью подумал он о ней однажды. Ну и пусть будут хоть все прозвища вместе взятые слиты воедино, но они все равно для него будут нести в ней одно единственное качество, это – женственность.

Именно она одна из всех женщин, которых он знал, обладает столь чудесным качеством. И он, неожиданно сделав для себя такое открытие, настолько был поражён этим, что даже кровь в висках застучала интенсивнее, дыхание стало прерывистым и резким.

Он снова начал лихорадочно ворошить прожитую жизнь, в результате чего всё больше и больше убеждался, что к своему стыду, только сейчас понял, какой бы он хотел видеть современную женщину, т.е., какая женщина должна обладать этим замечательным качеством.

-Да, действительно!- Продолжал он размышлять,- как же трудно у нас в России женщине стать женщиной лишь только по тому, что, выйдя замуж, она теряет, а, скорее всего, её лишает данный акт многих замечательных и прекрасных качеств, кроме, пожалуй, одного – рожать.

Как горько сознавать, что семья, к сожалению, строится именно только из подобных побуждений и сухих понятий, будто бы и нет на свете ничего, более прекрасного, более важного и необходимого. И от этих мыслей на душе у него становилось грустно.
Они никогда не говорили друг другу о любви. Но это было видно по их бережным, нежным и внимательным взаимоотношениям.
Он всегда помогал ей найти выход из сложных и трудных ситуаций. Она же в свою очередь очень часто поддерживала его морально, создавая тихую, уютную и спокойную обстановку в доме.
О деньгах, как об необходимых экономических атрибутах семьи, они разговаривали всегда с улыбкой и как о чём-то совершенно не существенном, постороннем и очень далёком.
Этот контраст настолько хорошо вписался в их семейную жизнь, что даже в последующие прожитые годы они никогда не повысили друг перед другом голоса.

Они не ссорились. Они оба были счастливы. И это счастье им хотелось пронести через всю оставшуюся жизнь.

Закончились бессонные сомнения,
Холодный из стакана выпит чай,
Пришло на смену тихое волнение
За маленький бесценный каравай.
2008год.

СОДЕРЖАНИЕ

СТР.

Вольная птица.....5-13
Ксений.....14-32
Пироги.....31-36
Туфелька.....37-44
Загадки Чёрного Июса.....45-63
Формидрон.....64-73
Мозаичники.....74-81
Порыбачил.....82-85
Баня с перцем.....86-92
Шурочка.....93-103
Медвежатник.....104-114
Зов души.....115-138
Нежность.....139-145

Николай Меркулов

повести, рассказы, новеллы

Загадки Чёрного Июса

2012 – 158 стр.

Формат 14,8 – 21 гарнитура

Тираж – 300 экз.

Отпечатано – 662255 г. Ужур

Телефон – 8(39156) 29 – 1 - 23

Печатается на средства автора.